

A photograph of a fountain in a park. The fountain has several jets of water spraying upwards and outwards. In the background, there are green trees and a blue fence. The sky is overcast.

Инна Костяковская

на перекрестке

СУДЕБ

Инна КОСТЯКОВСКАЯ

На перекрестке судеб

Сборник стихотворений

Израиль * 2012

Во вторую книгу Инны Костяковской вошли стихотворения, написанные в 2012 году. Автор книги с 1994 года живет и работает в Израиле. Стихи пишет с шести лет. Первая ее книга «На пороге истин» вышла в Хайфе в 2012 году.

Электронный адрес автора:
innaroz10@yandex.ru

© Все права автора защищены.

Дизайн и графика – Р. Шерман.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

*«...любить и помнить,
помнить и любить...»*

Не умею читать стихи. Писать умею, анализировать умею. А при чтении получается переживание. Это, конечно, если в стихах есть поэзия.

Если честно, — слово «...истин» в названии первой поэтической книги Инны Костяковской «На пороге истин» было некой препоной переживаниям. Но «На пороге...» всё-таки звало к чтению. И тут

Попадаю я в мир иной,
Странный мир, в нём всегда — я одна...
И со мной говорит тишина...

Поэтесса ищет невозможное — она ищет себя. И здесь уже (*volens-nolens*) не избежать откровенности. И — великолепно, потому что настоящая поэзия — это обязательно откровенность. Только откровенность, одетая в красивое вербальное платье, отороченное вопросительными знаками, троеточиями

...Как научиться не таить обид...
...и быть добрее, и не делать вид...
...Как научиться смелости простить...

И тут же неуверенное «потому что...», завязанное и на контрасте, и на сомнении, и на вере. Ведь хочется же нам всем «с душой младенца остаться...», что бы в этом мире не происходило. Но

Нет времени...
в пространстве и в судьбе.
Когда глаза ты поднимаешь к небу,
то различаешь в этой суете
ещё и крошки, что в придачу к хлебу...

Нет времени,
бессмертие и смерть
понятия, задуманные кодом.
Своею жизнью и своим уходом
мы повторяем эту круговерть...

«Просто невозможно так...», «Наши мысли умнее нас...» и вот уже очередное откровение, очередная уверенность-неуверенность, замешанные на очередной скрытой красивой грусти:

Не говорите — важен хлеб засушенный,
Не говорите, что живу во сне...

И всё же, больше всего в книге любви. Я не признаю в этом случае выражения «настоящая любовь» — она или есть, или её нет. В книжке Инны Костяковской любовь есть — на каждой страничке — любовь к миру, к людям, к природе, к родине, к родным, к любимому. Поэтесса сама не умеет скрывать своих чувств и просит своего vis-a-vis «...не зажимать зубами слово», ведь «...где-то там, на перекрёстке Судеб, мы встретимся...», и ничего, что автор пишет «...любовь ушла к другим в рассветный сполох...», — своим троеточием она себя выдаёт, она в глубине души верит в совсем иное...

Читая-перечитывая стихи этой неожиданной книги, радуясь отгадыванию авторских откровений, не верю, что пани Инна

«...непокорные года
уже давно сложила в ящик,
живут отдельно от меня,
как суеты былой образчик...»

Ведь в последней строфе этого же стиха она сама себе не верит:

«Но в нас живёт, ещё живёт
души неистовый полёт,
мы тишину умеем слушать —
ещё не очерствели души...»

Вместо предисловия

И не только грусть — даже тоска у неё красивая, у неё это просто «...вечная грусть...», которую поэтесса хоть и просит отпустить, но своими трюточиями не очень на этом и настаивает, ведь

...Всё хорошо, сегодня я с тобой...
...Твои глаза сегодня лечат душу!

И — любовь, ничего, кроме любви:

...И уходят обиды в прошлое,
Боль потерь, измен череда,
Буду помнить только хорошее,
Потому что люблю тебя!

Наконец, восклицательный знак, но — с грустинкой...

А хорошо-то как читать стихи и чувствовать автора, и неожиданно находить себя в строчках, и понимать, что мир то ли огромный, то ли малюсенький, а

...Я всего только шаг между прошлым и настоящим,
Я всего лишь звезда, в этом небе, куда-то манящем,
Я всего лишь вопрос, на который не будет ответа...

И это уже не банальность, это истина, выраженная чувствами в слове, а значит — поэзия. И не нужно высоких идей, не нужно призывов-заклинаний, ведь есть главное:

Мой день расколот надвое,
На мишуру и тень,
Я выбираю главное —
Я продолжаю день.

И в этом дне (подозреваю, что и в ночи...):

... и приходят слова... может, даже из дыма и пепла...
Паутинками строк заплетая мгновенья в тома...

Всегда удивлялся, почему в красивой поэзии обязательно есть грусть. Наверное, из-за понимания брэнности бытия, а, следовательно, и любви, и обещаний-отрицаний, и веры-неверья.

Потому и хочется чувствовать, что я тоже:

...в лабиринте собственных забот,
в болоте из навязчивых сомнений,
всегда ищу такой мне нужный брод,
чтоб реку Жизни перейти без сожалений.

И опять красивая грусть

...Бабушка с дедушкой. Мама — девчонка.
...Папа-мальчишка держит котёнка.

Казалось бы, ничего особенного — воспоминания о детстве. Но там есть слова «письма», «география»! И мы понимаем, что расстояние для души писателя не только в годах, чувствах, территориях — здесь всё вместе, а это уже жизнь... И пускай «Удел поэтов с одиночеством сроднится...», но «Живу. Молюсь. Надеюсь. Помню. Верю» — и не просто верит-помнит — пишет стихи. Красивые, женственные, грустно-счастливые, после чтения которых хочется жить-любить, а это очень много, это — всё.

«Во всём гармония, во всём.» И грусть... Красивая. От любви. От гармонии. И живой водой обтекает читателя первой поэтической книжки Инны Костяковской. Ждём следующей.

Село Оксанина, что на Уманщине в Украине

...О новой книге, о старой любви и грусти

Не так просто после прочтения первой книги, после своего отзыва на неё некоторыми размышлениями писать предисловие ко второй поэтической книге Инны Костяковской.

Я, к сожалению, не знаком лично с пани поэтессой — только стихи. Может, это неким образом идеализирует фигуру автора, но уж точно не придаёт элемента субъективности при чтении-восприятии, здесь просто

Вместо предисловия

..Не надо музыки и тостов.
Я чёрствый хлеб макаю в Лету...

Где-то далеко, действительно «за морями-океанами» неизвестная женщина пишет стихи на не родном мне языке, которые читаются-чувствуются как нечто своё — близкое, знакомое. Может, потому что

..души моей нежные струны!
Вам бы только всё петь и петь
в час, когда серебристые луны
в звёздном небе устали гореть...

А может, потому, что жизнь, созданная автором в стихах, хоть и соблазняет иногда реагировать просто и до банальности отчуждённо, ведь ты тоже

...слышишь бег веков, галоп столетий,
смех дураков и вздохи междометий...

а это не всегда окрыляет, зовёт в мечту, просится в стихотворные строки, но никуда нам от этих альфы и омеги не деться, а тем более — поэтессе, ведь она не просто присутствует «в нарисованном мире», в котором «любить или страдать — всё равно», — нет, она

Точно знаю — уйдёт и забудется
эта песня проклятой тоски,
как уходит из сердца распутица,
и как боль покидает виски.

Может быть, это действительно потому, что «...мы времена не выбираем», мы «...дети той далёкой перестройки, где было всё — от театра до помойки», а может, оттого, что между чёрным и белым цветом огромное великолепие радуги и

Мир прекрасен гармонией цвета
...Мир прекрасен стихами поэта...

Вот и в этой новой поэтической книге пани Инны опять много грусти, но не потому, что мир или жизнь не идеальные, а, мо-

жет, потому, что бытие в этой обыденности очень часто берёт верх над мечтой, и – поэтессе это болит, ведь

Ещё весной душа полна,
ещё умею слышать лето,
ещё не выпита до дна,
ещё тобою не согрета...

Ещё горит огонь в груди,
ещё задумчивы рассветы,
ещё так много впереди,
ещё не найдены ответы...

Поиски ответов, особенно когда грустится-любитя, когда всё же мечтается и тогда

...По ночам так особенно пишется,
Время в окнах дрожит лепестком.
По ночам так особенно слышится
Над ещё очень белым листком...

А ещё хочется поэтессе «быть разной» аж до нелепости. И это тоже зовёт перелистывать-перечитывать-перечувствовать строчки стихов, потому что действительно

Всё повторяется,
лишь слово – никогда,
оно живёт отдельно от поэта,
струится, как проточная вода,
в которой сплоти таинственного света...

Это – кредо поэзии и если автор это понимает-чувствует, читатель у такого автора обязательно будет, и читатель не простой, а тот, у которого «...душа существует стихами...», который в мечтах-надеждах ждёт любви – своей, единственной, ведь

Сколько разных на свете судеб,
сколько разных на свете глаз,
но не будет, поверь, не будет
никогда похожих на нас.

И если уже говорить об интимной лирике книжки Инны Костяковской, то обычные литературно-критические фразы здесь читателю не в помощь — эти стихи читаются-чувствуются и сразу становятся как бы уже твоими, вроде бы это у тебя

Душа — наполненный сосуд
из наших чувств...
Душа — наполненный сосуд,
любовь — награда...

и уже не автор, а ты — читатель — пишешь-думаешь:

...Нет обид. Я над ними. Я выше,
слышишь, снова мелодия здесь,
это ангел, сидящий на крыше,
подарил мне заветную песнь...

Читая стихи новой книги, опять возвращаюсь к мыслям-чувствам после прочтения первой — красивая грусть, завёрнутая в мечты-надежды, в ожидание, веру и — любовь — к дождю, к малышу, к утру, к ностальгии и к единственному в этот миг, в этом мире и никаких сожалений о том, что

Те же сомненья, дурацкие мысли,
те же ошибки, просчёты и числа.
Та же открытость. И вдруг мне открылось —
как хорошо, что я не изменилась!

Есть в книжке и стихи так называемого гражданского звучания,

...У горя глаза особые...
бездонные, как озёра,
я помню детей Чернобыля —
как стайкой входили в море...
Я помню детей Чернобыля...
я их забыть не сумею...

но из них во все стороны искрится такая гамма чувств, что воспринимаются они только душой, а это ещё один плюс для пани Инны.

Столько же грусти-отчуждённости и в стихах о родине-неродине, отказавшейся от мечтателей, созвучных поэтессе:

А в каждой строчке жизни сила —
неведом страх...
За что распяла ты, Россия,
их на крестах?

Но, невзирая даже на то, что «...ничего никому не прощается...» и где-то там, у какой-то «заветной черты» что-то нас ждёт — с надеждой-пониманием-искренностью воспринимаешь строки:

Наш забытый дом
на семи ветрах,
побывали в нём
и любовь, и страх,
побывали в нём
и беда с обидою,
ну а мы живём...

Живём, верим-надеемся-любим и ждём новых поэтических удач пани Инны.

Петро Полищук
член Союза писателей Украины.



НА ПЕРЕКРЁСТКЕ СУДЕБ

Он стоит всегда на том же месте,
С шарманкой – не с протянутой рукой,
мелодия его негромкой песни
да и глаза – давно полны тоской.

А вокруг – машины мчатся мимо,
прохожие проходят не спеша,
понимаю, как неразделимы
его напевы и его душа.

В непогоду или в зной восточный,
там, на перекрёстке всех дорог,
нам, забывшим Б-га, знаю точно –
он поёт о том, что значит Б-г...



КОГДА ДУША ТВОЯ СТРЕМИТСЯ В ХРАМ...

* * *

Когда душа твоя стремится в Храм
по бездорожью, по ухабам, в непогоду,
на встречу всем дождям и всем ветрам,
не взяв с собой ни пищу и ни воду.

Когда душа, как запоздалый путник
бредёт впотьмах и выбилась из сил,
не говорите, что жила беспутно,
живущие не так, как ОН просил...

* * *

Что ты плачешь, большая девочка,
На других навевая грусть?
Ты – не дерево, только – веточка,
на которой вселенский груз!

А вокруг жгут сады без жалости,
превращая надежды в прах,
дотянуть бы до самой старости,
до которой остался – шаг...

МАСКИ

Придёт, внушающая страх,
отчаянность былых созвучий,
кто ты и я? Вселенский прах,
цирк шапито, несчастный случай.

За клоунадой только боль.
За маской – горькая усмешка.
Без правил сыгранная роль.
О короле мечтала пешка...

* * *

Всё гениальное так просто,
«Аптека. Улица. Фонарь».
И с Эсмеральдой хлебом чёрствым
опять поделится звонарь...

Всё гениальное так просто.
«Любить иных тяжёлый крест».
И в этой перспективе роста
так мало на вершине мест.

Всё гениальное так просто
узнать по звуку или цвету.
Не надо музыки и тостов.
Я чёрствый хлеб макаю в Лету...

* * *

Ангел пел вчера на крыше,
посланный Тобой,
поднимаюсь просто выше...
Я – над суетой!

Словно файл, сжимаю время,
чтоб перенесло
вдаль, где изгнанное племя
по пустыне шло.

Обжигал хамсин¹ песками
и слепил глаза,
шла сегодня вместе с вами,
там моя стезя.

И пришлось мне и поныне
сорок лет уже
по своей идти пустыне,
жить, как в мираже!

¹ Хамсин – сухой, горячий ветер из Египта; несет пыль и крупный песок.

* * *

Мой египетский плен давно позади,
Почему же опять так щемит в груди?
Почему же моя вдруг притихла песнь?
Где живёт надежда – там не бродит месть.

Мы пройдем пустыни равнодушных глаз,
потому что слышим только Б-жий глас,
потому что ветра, что несут пески,
погасили пламя всей моей тоски.

Потому, что завтра будет новый день,
потому, что свет побеждает тень,
навсегда уйдём от бывшего рабства,
где-то позади – времени пространство...

* * *

Человек разминуться с Богом не мог,
потому что душа – это тоже Бог,
и две тыщи лет он учил урок,
а распятый Бог помогал, как мог...
Человек бродил, позабыв уют,
там где злые духи одни живут...
И тогда во тьме, посреди дорог,
наяву к нему вдруг явился Бог,
вдруг явился Бог

и найти помог

в ледяной тиши

Храм его Души...

* * *

Ах, души моей нежные струны!
Вам бы только всё петь и петь
в час, когда серебристые луны
в звёздном небе устали гореть...

И затянется дымкой пространство,
и на сердце – тоска и туман,
но с привычным таким постоянством,
слышу голос, что свыше мне дан...

ПЕСНЬ ВИРСАВИИ

«Храм, прообраз мироздания, назван «вратами небес»,
ибо Божественный свет исходит из высшего мира в
нижний и наполняет Храм, а из Храма
распространяется по всей земле, и каждый элемент
мира получает предназначенный ему свет из
соответствующей детали Храма».

р. Йешая Галеви Горовиц (XVI в.), «Шнейлухота-Брит».

Могучий царь! Сегодня мой – весь ты!
Моя судьба с твоей судьбой – вместе!
Я – лишь трава, раба твоя – млечность,
уйдём с тобою навсегда в вечность.

Нет, ты не Б-г, ты жил, как мог,
ты – человек...
Постиг урок, в земле сынок...
Дрожанье век,
дрожанье губ, дрожанье рук,

как покаяние,
давно замкнулся жизни круг,
смотри, сияние!
Величен Храм и светел он!
...и солнце никнет!
Наш не рождённый Соломон
его воздвигнет...

ПРОРОЧЕСТВО МОРДЕХАЯ...

Забудь, Эстер, вчерашние обиды,
не думай плохо, будь сама собой,
я подарю тебе издавший виды
мой старый посох с ветхою сумой.

Давай забудем Вавилонский плен,
Величен Б-г и каждое деянье,
падут враги Иерусалимских стен,
и всё-таки наступит покаянье...

* * *

Утро, созданное красками Ван Гога,
опять пришло на небосвод Востока,
от сна ночного просыпались листья,
и тишина над городом повисла.

Какие краски! И свеченье неба
так наполняет души и сердца,
и сомневаться, думаю, нелепо
в неповторимом замысле Творца.

* * *

Нет, не достать до потолка рукой,
он – высоко, а ты, ты – слишком низок,
и протекает бурною рекой
судьба твоя по желобам карнизов,
нелепостей, забытых неудач,
стремлениям к победам и к признанью.
Часы заводит время – вечный врач,
тебя спасающий от недопониманья.
Ты слышишь бег веков, галоп столетий,
смех дураков и вздохи междометий...

* * *

Не бродила я по пустыне,
та пустыня жила во мне,
заносила песком святыни,
и гасила печаль в вине,

Даже сорок лет не хватило
и поныне во мне живёт,
та девчонка, что так любила
делать всё «наоборот».

Помоги! Дай мне только силы
научиться смотреть вперёд,
а иначе до самой могилы
проживу я – «наоборот»...

ДУША ПОЭТА

Я сочинитель, шут, я – пилигрим,
сама себе Афины, Троя, Рим.
И вызывая часто смех и плач,
сама себе – судья, сама – палач...

Сама себе учитель самый строгий.
При входе в душу – вытирайте ноги.

* * *

«Бог согнулся от заботы и затиш».

Марина Цветаева.

Сегодня не слышу Бога.
Замолчали уста его.
Мне надо совсем немного,
ну, практически, ничего.

Мне бы только новой песни
слышать снова благую весть.
Мне бы только – с тобой вместе.
Мне бы только – допеть песнь...

Знаю, Бог мой во мне – затиш.
Он устал от моих забот,
не рождается новый стих,
чем-то липким заклеен рот...

МОЛИТВА

Пусть вдоволь не будет хлеба,
покинут и сын, и дочь,
прошу об одном я небо
всесильное - мне помочь.
Пусть страсти кипят Везувия,
пусть даже начнётся ночь,
ты только моё безумие
гони поскорее прочь...
Не дай заблудиться мысли,
неважно какой – любой.
Дай даже на склоне жизни
остаться – самой собой...

* * *

Там, за дальней далью,
в алых парусах,
отцвело с печалью
время на часах,
там, за поворотом –
 снова поворот,
знать бы изначально,
что меня там ждёт...
Не ходила бродом,
не искала брод,
с каждым поворотом
круче поворот.

А в небесной сини –
вечны облака,
не была я сильной,
и дрожит рука.
И ненужной строчки
снова вьётся вязь,
всё ухабы, кочки –
не упасть бы в грязь...

* * *

Альфа и Омега.
Солнце или Мрак.
Разум человека.
Горы, пропасть, крах...
Грешное. Святое.
Горечь, боль утрат...
Что это такое?
Жизнь, – мне говорят.

* * *

В нарисованном городе плачет с утра Коломбина,
А за нею влачится давно постаревший Пьеро,
В нарисованном мире бывают и хуже картины,
Нарисованным людям любить иль страдать
– всё равно...
В нарисованном счастье нельзя, как в реке
искупаться,
В нарисованном море не тонут от бурь корабли,
В нарисованном горе ни слёзы, ни стон не родятся,
В нарисованном мире мы просто не будем людьми...

* * *

Что ты знаешь о счастье, небо?
Что ты знаешь о счастье, море?
И о чём мне шептала небыль,
и о чём голосило горе?

Что ты знаешь об этой боли,
ветер, что так капризно резок,
о моей незавидной доле,
и о профиле, в стиле фресок.

Что ты знаешь о главной тайне,
что гудит по ночам в висках.
Рассказала другим случайно
свой всегдашний утренний страх.

Страшно мне не услышать звуки,
стоны, песни ночей...
и за что мне все эти муки-
Господи, пожалей!

* * *

Плачет по ком-то колокол,
душу на плаху – волоком,
мы все такие разные,
чёрные, белые, красные...
Крали ковчег у Ноя,
и разрушали Трою,
Колокол!

Слышишь, колокол!
Душу волочат волоком...

* * *

Знаешь, лучше
споём о главном.
Эти тучи –
они случайны...

Пройдёт сомненье,
как талый снег,
сопротивленье –
по кругу бег...

А время крутит
свой хула-хуп
и мало сути
в дыханье труб.

И дым над морем,
и вечный страх,
и мысли – роем...
всё тленно – прах...

* * *

Холодный город просыпался, не спеша,
взлетала ввысь моя открытая душа...
Преодолела лёд сомнений, боль тревог,
С улыбкой на устах сказал ей Б-г:
«Я знаю, небеса так хороши,
но нет здесь места для твоей души.
Когда придёт твой день, твой час, твой срок,
ну, а сейчас – не твой звенит звонок,
лети, душа, в свой дом, в свой мир, в свой сад,
лет через сто приму тебя назад!»

* * *

Жизнь проходит новой сменой года,
облаками, что коснулись крыш,
солнечной и ласковой погодой,
страшной пустотою тёмных ниш...

Жизнь проходит дуновеньем ветра,
каплями на лобовом стекле,
с каждым метром, с каждым километром,
уменьшаясь мысленно во мне.

Жизнь проходит просто пеньем скрипки.
Плачем, криком, стоном и мольбой.
Жизнь проходит с горькою улыбкой.
Что она оставит за собой?..

* * *

Нет, не жду я победных маршей,
снова дождь в палестинах наших –
за окном завывает ветер,
я – как гном, что давно на свете

задержался. Но знает сроки,
и мотает на ус уроки.
И давно он проникся знаньем,
от того и глядит печально.

Столько лет пролетело мимо,
только люди неисправимы.
Он играет на старой дудке.
Жизнь и смерть – просто злые шутки...





П И С Ь М А

НАТАШЕ

«Как хорошо, что связывает нас
с тобою нечто большее, чем дружба...»

1.

Как хорошо, что связывает нас
с тобою нечто большее, чем дружба.
Как хорошо, что прошлое не нужно
обыгрывать пасьянсом ложных фраз.

Как хорошо, что тихим откровеньем
тебя не удивить и не пронять.
Как хорошо, что каждое мгновение
умеешь ты на вечность променять.

Как хорошо, что ты ветрам открыта,
не кутаешься в плащ былых обид,
как парусник – судьбой ко мне
прибита.
Вот только сердце за тебя болит...

2.

Может, жили с тобой неправильно
и живём?
Погребли душу птицей раненой
мы живьём?
Разбазарили и растратили
в пустяках,
кольца те, что носили матери
на руках...
Разменяли на старой скатерти
по рублю,
мы – две нищенки. Нам на паперти
подают...
Только к Богу дорога длинная –
через Храм,
собирайся, моя родимая,
выбрось хлам!

3.

На шее шарф – подобие удавки,
и мир кончается в ближайшей хлебной лавке.
И на часах остановились стрелки.
Жизнь кажется нелепой, даже мелкой...
За всё заплачено. Наступит час расплаты.
Мы растворимся в неизвестных датах.
Так знай же, девочка, ты так же одинока,
и так же в каждом нищем видишь Б-га.
И так же знаешь, как неумолимо
проходит жизнь. Проходит мимо.

4.

Знаю – уйду в ночь,
туда, где царит тень.
Может – поймёт дочь,
может – найдёт день.

Кто-то споёт песнь,
и даже поймёт суть,
кто-то – отдаст честь,
кто-то зевнёт: «Муть!»

Знаю, уйду прочь,
куда-то, за беспредел.
В край, где всегда – ночь,
а раньше – закат алел...

5.

Ты знаешь, родная, что нет расстояний!
Есть только предчувствие новых свиданий.
Есть новое утро, есть вечер и свечи,
есть наше предчувствие будущей встречи.
Я знаю, что скоро на нашем диване
мы будем грустить о забытой нирване.
Ты знаешь, мне сны очень странные снятся,
как будто с тобою нам только по двадцать,
и нет ни обид, ни тревог, ни печалей...
Есть вера и Бог, есть корабль на причале...
Две юные девочки, солнечный свет,
часики-стрелочки, новый рассвет.
Наш славный кораблик, совсем не бумажный,
в простор неизбежности мчится отважно.
Ещё он не знает, что просто не нужен,
и море его – огромная лужа...

6.

Я, как и ты – давно благодарю!
За каждый миг! За каждое мгновенье!
За то, что не должна календарю
я доверять ни жизнь, ни вдохновенье.
За каждый новый день! За каждый вечер!
За каждую подаренную встречу,
за смех, за плач, за стон, за звук,
за эту боль любовных мук,
за мой закат, который неизбежен,
за мужа, что всегда тактично нежен.
За счастье видеть новую зарю,
Благодарю, благодарю, благодарю!

7.

Не уходи. Ещё осталась
таинственность блестящих глаз,
моя всегдашняя усталость
с твоей изысканностью фраз

переплелись в едином миге,
в одном дыхании небес,
и кто, скажи, тобою двигал,
Всевышний, Ангел или бес?

Не уходи. Ещё не время.
И возвращайся насовсем,
туда, где изгнанное племя
водил пустыней Моисей...

8.

Два усталых, одиноких волка –
мы бредём.
Под ногами – белая позёмка,
ночь кругом...
Где-то в переливах небосвода
есть звезда,
это наша главная свобода,
нам – туда...
Давит ночь, давно устало тело,
но – вперёд!
Там, вдали, звезда из Вифлеема,
знаю – ждёт!



ИРЕ,
любительнице мистики.

Смеётся палач,
хоть карты и вралы,
но солнечный матч,
я не проиграла.

Я родом из сказки,
я верила картам,
я старые маски
срывала с азартом.

Есть книги и песни,
есть солнечный день.
Забудь «мракобесье»,
как чёрную тень...

Лишь с верою в Б-га.
И чувства. И мысли.
И манит дорога,
ведущая к жизни...



САШЕ ...

«Я убиваю время,
Или оно меня?»

Саша Бест.

День, как всегда-потерян,
вышла гулять луна,
я убиваю время...
Или оно меня?
Целится, словно снайпер,
учитывая ветра,
подсвистывает от кайфа,
и тихо зовёт: «Пора».
Я у него на прицеле,
ни есть не могу, ни пить.
Ну что же ты, в самом деле?
Дай мне спокойно жить!
Сколько? Скажи мне, сколько?
Где и когда мой срок?
Оно улыбнулось только,
нажав на курок...



ИГОРЮ...

«Мы не проколем бабочку иглой»

Иосиф Бродский.

Ты, дорогой, как все – не безупречен.
Не увлекайся глупою игрой,
«мы не проколем бабочку иглой».
Мы не проколем. «Только изувечим».

Земля, как глыба и прихлопнет нас,
придавит всю тяжестью и болью,
и не спасёт дорога на Парнас
и ни стихи, рождённые любовью.

Живи, мой друг, и песни пой звезде,
тебе пославшей дар стихосложения.
Ещё не раз окажемся в беде,
мы, позабывшие законы умноженья...



ЮРЕ...

1.

Мне грустно и страшно.
Пожалуйста, научи,
как день вчерашний
суметь утопить в ночи.

И чтоб моих волос
золотую медь,
не растрепал прогноз...
Как уметь терпеть?

Как делать важный,
довольный, счастливый вид,
как быть отважной,
когда так душа болит?..

Как не бояться лести,
любых наград,
как не закончить песню
и в камнепад?..

2.

Я – бабочка! Летящая на свет
не Солнца, а обычной старой лампы,
Я – бабочка, читающая бред,
и знающая, что такое – штампы.

Я – мотылёк, я лёгкость, я обман,
иллюзия, забытая интрига.
И мой полёт, который Б-гом дан,
по-прежнему манит дыханьем мига.

Сжигаю крылья я не в первый раз,
стремилась к звёздам, а попала в лето.
Как много их – забытых мною фраз.
От старой лампы слишком много света.

3.

Где та девочка, что летала
без причины и просто так?..
Где та девочка, что таскала
в дом больных бродяжьих собак?..

Где та девочка, что хотела
мир украсить цветным дождём,
где та девочка, что летела
за надеждой в далёкий дом?

Испарилась. Исчезла тайною,
как Снегурочка по весне.
Отраженье моё случайное,
так до боли знакомое мне!

И всю жизнь я ищу ту девочку,
от которой пропал и след,
получить от неё лишь весточку
через сотни прожитых лет...

4.

В зазеркалье, в тех призрачных снах,
где печальны и звуки, и строчки,
пыль столетий на старых часах,
и тоска продаётся в рассрочку.

В зазеркалье, где розовый снег
превращается в чёрную слякоть,
в зазеркалье, где времени бег
монотонен, что хочется плакать,

Я играла мелодию снов,
не касаясь ни клавиш, ни струн
Я пыталась там петь про любовь,
и про таинство солнечных рун...

5.

Вдруг поётся так пламенно – звёздно,
и мечтается, будто во сне,
есть какая-то странная польза
от надежды, живущей во мне...

Становлюсь и мудрее и строже,
Принимаю погоду всерьёз,
и становится сердцу дороже
этот путь из придуманных грёз.

Я надеюсь, придут откровенья,
словно всполохи новой весны,
расскажи мне, что значат виденья,
что приходят к нам в старые сны...

ЖИЗНЬ ПРОМЧАЛАСЬ...

Точно знаю – уйдёт и забудется
эта песня проклятой тоски,
как уходит из сердца распутица,
и как боль покидает виски.

* * *

И случится лишь то, что случится...
Сколько новых отмерено вёрст?
Жизнь промчалась ночью блудницей
по дороге из тысячи звёзд...

* * *

Давно забыла все дела,
свою беспечность.
Жизнь не всегда была права,
шагаем в вечность.

Ты мой надёжный проводник,
моя отрада.
Не истребим души родник –
да и не надо.

Ты мой надёжный командир
всех многоточий.
И мне открылся целый мир –
за между прочим...

МИШЕ...

1.

Я знаю – устало тело,
бороться ему надоело...
Я знаю, что ищет рая
душа, в лабиринтах блуждая,
из боли и равнодушья,
душно ей в теле, душно!
Ей надо увидеть, надо
ещё красоту листопада,
ещё одно новое утро.
Я знаю, как больно и трудно...
уже не питает иллюзий,
от морфия злых инфузий.
Прошу тебя, Миша, держись!
Зубами цепляйся за жизнь!
Не надо спешить в бесконечность,
ещё подождёт неба млечность...

2.

И отступит боль...

Если вдруг в пути
нас настигнет штиль,
нет пути уйти –
нам пора в утиль...

Потому, что жизнь –
это ветра свист,

потому что мысль –
это мой каприз...

Потому, что день –
это «вечный бой»,
и отступит тень,
и отступит боль...



ЛАРИСЕ...

1.

Перешепчу печальный твой мотив.
Перешепчу его. Переиначу.
Вершит искусство главную задачу,
слова и звуки в чувства перелив.

Перечитаю старые стихи.
И вытру пыль с давно забытой полки.
На ней стоят, задумчиво тихи,
от прошлого забытые осколки...

Перелистаю чувств чужих реестр.
Что впереди? А что – воспоминанье?
Переболею переменой мест...
Перестрадаю этой «дальней далью»...

2.

Приложи, родная, подорожник,
даже если рана глубока.
Только вряд ли он тебе помощник –
защитить тебя от дурака,
защитить от плута или хама,
от шипения завистливой толпы.
Вот такая в нашей жизни драма
И финал, который знаешь ты...



Л. Н.

Я читаю тебя. Как была на тебя я похожа,
Как летала, летала, летала во снах,
А потом эти сытые, гадкие, гладкие рожи
Исплевали мне душу, оставив её в синяках...

Не получится, милая, жить просто так, осторожно,
Ведь тебя задевает и ранит обычный пустяк,
А всё те же противные гадкие, гладкие рожи
Обязательно скажут – живёшь ты и пинешь не так!





МЫ ВРЕМЕНА НЕ ВЫБИРАЕМ

* * *

Прощай, мой друг, мой дом, мой век!
Мы времена не выбираем.
Наш вечный круг, наш вечный бег –
давно сплетенье ада с раем.

Прощай, мой непонятный мир!
Ты стал другим, а я – всё та же.
Во мне так много чёрных дыр,
что не заметишь ты пропажи...

Прощай, мой главный человек!
С тобой – разлука на мгновенье,
когда из-под закрытых век
опять приходит вдохновенье...

* * *

Я живу в краю, где нет зимы,
где друг другу не дают займы,
где обещания расходятся с делами,
где воробьи обедают с орлами...

Где ничего не покупают впрок,
где никогда не выучен урок,

где забывают русский алфавит,
где и во сне преследует иврит,
я живу в краю, где море слёз
и это «где» – надолго и всерьёз...

* * *

«Почему все так вышло? И будет ложью
на характер свалить или Волю Божью».
И. Бродский.

Мы – Каины, Сизифы, Агасферы,
живущие без Б-га и без веры...
Обречены на вечное скитанье,
нам не доступны тайны Мироздания.
Нам нечем крыть. И защищаться нечем.
И жизнь сама нам выклевала печень.
И на вершины призрачные тянем
мы воз обид, не философский камень...
Наверно будет, знаю, просто ложью,
свалить всё это лишь на волю Б-жью,-
«Дай прислониться посреди пути!»,
– А нам вперёд отчаянно идти...

* * *

Все мы – гости
на пире столетья,
наши тосты –
одни междометья...

Все мы – гости.
Остались от пира

только кости
пропащего мира...

Мы уйдём.
Кто – позднее, кто – рано,
за дождём,
за зарёй, за туманом...

В край чудес,
где душа на просторе,
там, с небес,
отражается в море...

МЫ ПОКОЛЕНИЕ ОТВЕРГНУТЫХ НАДЕЖД...

Мы дети той, уже далёкой перестройки,
что «по истории» нам выставила двойки.
Душа болела. И сейчас болит.
Нас «поимели» в качестве Лолит.
Мы были разные – и паиньки, и пánки.
У танков был размер консервной банки...
И наши мальчишки, убитые в Афгане,
писали: «Всё - отлично! Сбегай к маме».

Мы поколение отвергнутых надежд,
мы поколение удачливых невежд,
мы разделились не на красно-белых,
мы разделились на безумных, смелых.

И, никому не действуя на нервы,
в столовой ограничивались первым.
И уезжали. Кто куда, скорее,
найдя в роду хоть одного еврея.

Мы дети той далёкой перестройки,
где было всё – от театра до помойки.

* * *

«Я сижу на стуле в большой квартире».
И.Бродский.

Не жду, мой Ангел, давно ответа,
я знаю цену Добра и Света,
сижу на кухне: ножи, кастрюли.
От равнодушья найду пилюли...
Сегодня – горько, а завтра – страшно,
я утонула в тоске вчерашней.
Глаза – пустые и лица – скучны,
и с пустотою они созвучны.
Я вспоминаю глаза прохожих,
безумно разных, но так похожих.
Застряли в горле слова и звуки,
перо к бумаге не тянут руки.
Сижу на кухне, на табуретке,
подбитой птицей в бетонной клетке.
Кипит в кастрюле.

Закончен день.

На складки тюля

ложится тень...

* * *

Божественное пение во всём,
на то была господня воля,
не исчерпать духовный водоём,
не победить его тоске и горю.
И вздохи ветра, или птицы крик,
или дождей пронзительные струны –
освобождают сердце от вериг,
и новые опять роятся думы..
Обыденность уходит в никуда,
и остаются только блики света
горящих окон. В точках города.
И запахи весны. И звуки лета...

* * *

Мне кажется, что это Б-г,
потратив годы, не часы,
раскрасил каменный порог
прибрежной этой полосы.
С тех пор о камни бьются волны,
хрустальный воздух чист и свеж.
И ты уходишь, счастья полный,
и тех же призрачных надежд...

* * *

Не обращаюсь к случаю на «ты»,
всегда на «Вы» – торжественно и строго,
за повседневным шумом суеты
всё происходит по велению Б-га.

Нет мелочей. Есть нужные дела.
Есть важные события и встречи.
Нет, не судьба меня к Нему вела.
Я шла к Нему сама. Мерцают свечи.

Горит огонь, зажжённый от сердец,
в себе несущих только пламень веры.
И говорит со мною мой Творец...
И вечный зов... И благодать... Без меры...

* * *

«Последнее солнце стремилось к закату».

Евгений Ауров.

Последнее солнце стремилось к закату,
для вечной любви не назначили плату.
Мы просто не жили... садились на мели,
не так мы любили, смеялись и пели...
И ветер попутный не дул в паруса,
мы просто устали творить чудеса...
Забыты надежды на грязной тарелке,
жизнь кажется снова ненужной и мелкой.
И кто виноват? Не найти виноватых...
Последнее солнце стремилось к закату.

МЫСЛИ ВСЛУХ...

В нашем странном, безумном мире,
где чужая не трогает боль,
где проводят в прямом эфире
даже войны – как будто футбол.

Где голодных больше, чем сытых,
где на паперти не подают,
где так много детей убитых,
а убийцы в почёте живут.

Перевернутый он. Перевернутый...
На позорном подвешен столбе...
И мудрец в нём – особо чокнутый,
и поэт в нём – лишь так себе...

Даже песни – одно название.
Даже сказки – какой-то бред...
Ах, какое же наказание
этот мир. Но другого - нет...

НАЗАРЕТ ИЗ МОЕЙ КВАРТИРЫ...

Этот Б-гом забытый город,
скорее стар, чем отчаянно молод,
и не звучат в нём любви сонеты,
давно поблекли его монеты,
на узких улицах слишком тесно,
в хозяйских кухнях прокисло тесто.

Вместо креста – здесь полумесяц,
и грязь обычную здесь мы месим,
и задыхаемся. Может шуткой
разбавить нужно жаркое с уткой?
Но не смешно – только слёзы душат –
так дайте светлого нашим душам!

Мы не против детей арабских,
мы готовы любить их – братски,
но чем глубже вникаешь в тему,
тем больнее душе и телу.
Понимаешь, как всем нам врали,
все, читающие морали,

все, кричащие, что не крали
у нас и у города пасторали.

Не спасёт перемена мест,
полумесяц в окне – не крест...

* * *

Нет, я не верю! Это только миф,
что наше море очень обмелело.
Мелею я, накал страстей забыв,
а берегам всё так же нет предела...

Нет, я не верю, что испорчен век,
былая мудрость потерялась где-то.
Ломаюсь я – обычный человек,
а во Вселенной так же много света!

* * *

Мир прекрасен гармонией цвета,
А гармонией звука – вдвойне,
Мир прекрасен дыханием лета
И зелёным листком по весне...
Мир прекрасен стихами поэта,
Светом радуги, вкусом любви,
Мир прекрасен, но дело не в этом –
В том – достойны ли этого мы?..





БЫТЬ ПТИЦЕЙ РАНЕНОЙ...

* * *

Быть птицей раненой, золой,
быть камнем, быть песком, быть пеплом.
Ранимой быть, печальной, злой.
Луною быть, слезою, ветром.
Быть ерундой. Сомненьем быть.
Терзаться и, других терзая,
о чём-то вечном говорить,
ещё и слов не понимая.
Быть дуновением, пером,
упрямо на огонь летящим,
твоим адамовым ребром.
Быть чьим-то прошлым, настоящим.
Но если не дано летать,
то просто пустотою стать...

* * *

Это надо такому случиться –
даль небес, небесная твердь!
Для чего крылья раненой птице,
если в небо не улететь?..

И живу, в чёрно-белых буднях,
и кормлю бездомных собак,

переломанным крыльям трудно,
не срastутся они никак.

Ты – другой. Другой. Ты – двукрылый,
но в глазах непонятный страх.
Улетай, не жди меня, милый!
Кто-то должен кормить собак.

ПОНИМАНИЯ ЖДУ,
КАК НАГРАДУ...

Ночь ещё так тиха, безобидна,
голоса неизведанных птиц...
Только знаю – просвета не видно
в жёстком мире потерянных лиц.

Понимания жду, как награду,
как мечту. Как заветную песнь.
Ничего мне другого не надо.
Всё другое, поверьте мне, есть!

Равнодушие придавит, как грузом,
не дышать и, конечно, не петь,
как же хочется ветренным блюзом
мне сегодня к тебе долететь...

И глаза, что разделят молчание
и растопят лёд прежних обид,
понимания жду, понимания,
и поэтому сердце болит...

* * *

Когда схожу я медленно с ума,
не замечая солнечного света,
кто виноват? Конечно же – сама,
я не умела видеть красок лета.

Вот отчего на сердце непокой,
вот почему опять тоска заела,
я правлю стих дрожащею рукой –
моя тоска, которой нет предела...

* * *

Безысходность сродни неизбежности.
Пусть уходит сомнения час –
обжигаюсь от пролитой нежности,
что в крови закипала не раз.

Сколько было дорог мной измерено,
в тупики заходила подчас...
Я любила, надеялась, верила
блеску чьих-то обманчивых глаз.

* * *

Вы не кличьте зла,
черны вороны,
жизнь меня несла
во все стороны...

Только знаю я,
есть душе приют.
Мне б найти края,
где с любовью ждут!

Где же тот вокзал,
где же тот вагон?
И звучит хорал,
там где правит ОН...

* * *

В окне обзор велик. До горизонта
я вижу море. Корабли у порта,
как птичья стая, что в тумане тая,
всё ищет берега чужого рая.

Вот так и я. Давно стою у порта,
но не услышу праздничных аккордов,
и мой корабль, где в трюмах только мысли,
качает на волнах обычной жизни...

Обзор велик. Но не понятны дали.
Наверно, затмевают их печали.
Я рвусь туда, на линию рассвета,
где заблудилось ветренное лето.

* * *

По ночам так особенно стонется,
Так пронзительны звуки тоски,
И приходит моя бессонница,
И стучится в мои виски...

По ночам так особенно пишется,
Время в окнах дрожит лепестком,
По ночам так особенно слышится
Над ещё очень белым листком...

* * *

Быть разной...
Тихой, шумной, страстной...
Нелепой быть!
Одним – погодою ненастной,
Другим – светить...
Быть для кого-то отраженьем
чужих небес,
стать для кого-то продолженьем
иных чудес!
С тобой всегда остаться нежной –
В сиянье звёзд,
и пусть наполнятся надеждой
сто тысяч вёрст!

УСТАЛОСТЬ

Я чаще чувствую усталость
и тяжесть век,
наверное, приходит старость
грядами вех.

Я из окна простой квартиры
не вижу явь,
наверное, сбежали лиры,
с собой не взяв.

Мне холодно. Мне просто страшно.
И эта грусть...
Я проводила день вчерашний,
теперь – молось!

МЫ ПРОЙДЁМ, ОСТАВЛЯЯ СЛЕДЫ...

Рубежи, миражи, миражи,
всё размеренно, скучно и пусто,
и стоишь ты опять у межи,
за которой кончаются чувства...

Даль небес! Эта вечная даль!
Это море! Рассветы, закаты.
Повторяется истины старь,
даже мы повторимся когда-то...

В дуновенье печальных ветров,
в лепестке, что не может без света,
в песнопенье цыганских костров,
в разноцветии нового лета...

По старинным и нужным приметам,
по пришествию новой звезды,
по ещё не рождённым сонетам,
мы пройдем, оставляя следы...

* * *

Всё повторяется –
ночь – день, закат – восход,
Всё повторяется –
надежда и печали,
родителей безвременный уход,
морские берега, чужие дали...
Всё повторяется,
лишь слово – никогда,
оно живёт отдельно от поэта,
струится, как проточная вода,
в которой всполохи таинственного света...

МОЕЙ СОБАЧКЕ...

Мне жаль её. Бессонными ночами
она со мной так преданно не спит,
в её глазах блестящими лучами
собачья преданность так искренне
горит...

Мне жаль её. Она не виновата,
что у хозяйки вновь словесный зуд,
и что слова, забытые когда-то,
вдруг в голову ударят и придут...

Придут в тетрадь нестройными
рядами,
не спрашивая: можно или нет,
так в небесах кудрявыми грядами
рисует кто-то розовый рассвет...

* * *

Может, истин и нет?
Мы себе их вообще «намечтали»...
И парадом планет,
освещаая туманные дали,

не придёт озаренье.
А истина рядом сокрыта,
мы попросим прощенья
за то, что не знали санскрита.

Не придёт из пучин
золотая и мудрая рыбка.
Есть сто тысяч причин.
Есть истории «злая» улыбка...

* * *

Ты спишь давно. А мне совсем не спится.
И строчек вязь ложится на страницу.
И в чёрном небе вдруг звезда повисла,
быть может, ищет логики и смысла.

Совсем как я. Нам многого не надо:
лишь купол неба, ожиданье звездопада,
морскую пену, взгляд любимых глаз.
Всё, что давным-давно придумали до нас...

КУПОЛА НАЗЕРЕТА

Мой еврейский Б-г – далеко
достучаться к нему – нелегко,
я любила всегда купола,
в них надежда моя жила...
Здесь святая земля. Святая.
Купола, вдалеке сияя,
отражают небесный свет,
почему же надежды нет?
Слышу вновь колокольный звон,
как прощальный, последний стон,
не спасли меня купола,
в этом мире сплошного зла...

МЫ ПО РАЗНЫЕ СТОРОНЫ...

«Так вышло: я на этой стороне.
Там чтут Коран, а здесь читают Тору...»
Мария Войткова.

Мы по разные стороны.
Мракобесия бред.
Где-то чёрные вороны,
где-то ангельский свет.

Мы по разные стороны
поднимаем затвор.
Одинаково солонны
только слёзы у вдов.

Мы по разные стороны.
Но не видно границ.
Безнадёжностью скованы
выражения лиц.

Мы по разные стороны
песен, судеб и вех.
По земному устроены –
только небо на всех...





А ДУША СУЩЕСТВУЕТ СТИХАМИ

А ДУША СУЩЕСТВУЕТ СТИХАМИ....
(Чёрным на белом...)

« Каждый стих – дитя любви...»

Марина Цветаева.

Должны быть чувства, искры от огня,
Прости, поэзия! За всё, прости меня...

Прости за мой нестройный слог,
прости за « таинство дорог»,

прости за вечное «прощай»,
за «снегопад», за «дождь», за «май»...

Прости за мой «уход-приход»,
за тыщу раз описанный восход.

Мой крик призывный нарушает тишь...
надеюсь, ты когда-нибудь простишь...

1.

А душа существует стихами.
Я держала синицу в руках.
Я считала, что чайкам с орлами
Не понятен мой утренний страх...

А душа существует напевом.
И слетают оковы опять...
И являются – чёрным на белом
Буквы, словно волшебная рать.

Застывает на строчках мгновенье.
Замедляется времени ход.
И приходит – моё вдохновенье...
А потом по-английски, уйдёт!

2.

К поэзии живому роднику
Я жадными губами припадаю...
Читаю за строкою я строку,
Листаю книги старые... Листаю...
Вот так голодный – корке хлеба рад,
Так лето принимает листопад,
Так начинается движение планет.
И ничего прекрасней в мире нет!
Поэзии живой родник струится...
Листаю за страницей страницу!

3.

Я забыла мелодию звуков,
полюбила – мелодию слов.
Ах, какая сердечная мука –
слышать ночью дыхание снов!

И приходят во сне мне напевом,
и ложатся, как тонкая нить,
эти строки... чёрным на белом.
Не понять. Не принять. Не забыть...

4.

Исполняю привычный обряд,
я сегодня – прислуга у Лиры,
но предательски руки дрожат,
и на стрелках мгновенья застыли...

Распахнулась пред миром душа,
и стихи – откровением стали.
Не судите! Живу – чуть дыша,
будто к вечности вдруг приковали...

5.

Я – в середине ночи, и минором
в окно стучится дождь о чём-то новом,
непонятом, несказанном, ненужном,
забытом мною, как бывшая дружба...

Я – в середине жизни. Точно знаю,
кого найду и что я потеряю.
Ложатся строки – чёрные на белом,
в их паутине путается тело...

Я – в середине знаний. Это точно,
что истина, как дева – непорочна.
Как много рядом лиц чужих и рук,
друзей всё уже, но надёжней круг.

Я – в середине. Силы – центробежны.
А так хотелось оказаться «между»...

6.

Всё трудней находить вдохновенье.
Всё печальней мелодия слов,
мельче – чувства, короче – затменья,
не понятней значения снов.

И твою золотую ливрею
не украсит мой розовый бант,
не ценю даже то, что имею.
И тебя, мой блистательный гранд.

Средь житейского лишнего хлама
я ищу свой далёкий причал,
«харе кришна!» звучит, «харе рама!»,
как присутствие высших начал...

7.

Жизнь – это сцена,
паутина ожидания,
пыль занавеса,
чьих-то стульев скрип..
Кому нужны твои «стихослогания»?
Ты вымотан, ты болен, ты охрип...

Жизнь – это сцена,
и твоё передвижение
на заднем плане
не заметит люд..
и для кого твоё стихосложение?..
Послушают, похлопают, уйдут...

8.

Когда вокруг пустые лица,
глаза, в которых столько зла,
скажи, как мне не усомниться,
кому поэзия нужна?

Когда вокруг пустые души,
а колокол звучит в груди,
скажи, кто это будет слушать,
и что там дальше, впереди?

Когда весна стучится в сердце,
когда пленяет высота,
не говори, что не согреться,
и что исчезла красота...

9.

В мире, давно перевёрнутом,
где сместились понятия качества,
где поэта считают чокнутым,
не прощая ему чудачества.

Где забиты окна и двери.
И где воздух свободы не нужен.
Соловьёв золотистые трели
поглотили грязные лужи...

Не дружна нынче мысль со словом.
И стихи – какофония. Звуки.
Небеса взирают с укором:
– Чем поэт занимает руки?..

10.

Как кисть художника, как скульптора рука,
как звуки музыки, как преломление света,
живут слова. Их быстрая река
становится опасной для поэта.
В ней наши чувства, страсти, наша жизнь,
текущая по строчкам и по рифмам...
В ней наша суть, в ней наша - мысль,
подводные течения и рифы.
И в ней душа, наполненная светом,
ранимая и ждущая покой,
одно из двух - становишься поэтом,
иль ищешь мост, чтоб справиться с рекой...

11.

Каждый стих, как маленький ребёнок,
беззащитен, но ему - расти...
Хочется поднять его с пелёнок,
и тихонько к солнцу поднести.

Подрастай и набирайся света,
солнечного света и тепла,
я тебя своей дорогой в лето,
может быть, на муки родила...

12.

Когда-нибудь растает этот лёд
и вечная привычная ненужность,
придёт моё мгновение, придёт,
над головою очертив окружность.

Воздушны и легки – придут стихи
излечивать больную чью-то душу.
Так почему шаги мои робки?

Наверно, сердце не умею слушать...





ТИХИЙ ДОМАШНИЙ РАЙ

* * *

Небо сияло звёздно,
куполom – небосвод!
Рано, а может поздно,
знала – она придёт!

Солнечным будет утро!
Теплым и дом и хлеб!
Станет удача мудрой
и не накличет бед.

Помню, как мёрзли стены,
звуки звучали глухо,
как распирала вены
болью тоска – разруха.

Мой одинокий вечер
кончился навсегда,
вспыхнут, растают свечи,
и закипит вода...

Будет обед и ужин.
Будет горячим чай.
Ты мне безумно нужен,
тихий домашний рай!

УТРО

Раннее утро. Будильник.
Скучный противный бас,
он, словно злой насильник,
снова мучает нас...

И нет никакого дела
ему до постельных грёз,
заря за окном кипела,
ты кофе в постель принёс.

Спасибо за это утро!
Но как же хочется спать,
и по утрам так трудно
кофе не расплескать...

* * *

У разлуки кошачьи лапы,
подкрадётся – и не заметим.
Будет вечер дождями плакать,
ветер снова развеет пепел...

Мы сидим. В зеркалах лишь – тени,
отражение неизбежности,
нас когда-то рассудит время,
а пока – я сгорю от нежности,

я сгорю от задумчивых глаз.
Не готова ещё к потерям.
Нас рассудит когда-то время.
Не сегодня и не сейчас!

* * *

У меня душа – собачья!
Приласкай!
Не давала в жизни сдачи,
так и знай!

За тобой бегу по следу,
чуть дыша!
В поездах далёких еду
без гроша...

У меня душа – собачья –
Не гони!
Слышишь, ветер громко плачет
о любви...

У меня душа собачья –
так и знай,
за тобою я без плача –
в ад и в рай!

* * *

Неожиданно, вдруг и нечаянно,
грозной тучей ворвалось в дом,
чёрным вороном злое отчаянье
и накрыло любви водоём.

Улетай, птица, грусти предвестница,
мне твой голос так странно знаком,
у тоски я сегодня не крестница,
даже если стоит в горле ком...

Улетай, злая птица – разлучница,
Распахну настезь окна и дверь...
Ничего у тебя не получится,
просто кончился список потерь...

* * *

Услышала такой протяжный стон!
Нет, я не знала, что мужчины стонут,
он как набат, звучащий в унисон,
с размером спальни, погружённой в омут

вчерашних недосказанных обид,
на пол - дороге не допитом чае,
сегодня у тебя усталый вид,
который я назло не замечаю...

Ну, наконец-то, просветлело небо.
Всё очередно в замысле Творца.
Ты ближе и дороже раньше не был,
и этот стон соединил сердца...

* * *

К тебе, я – Богом меченной,
из страстного июля
Не девочкой доверчивой,
А женщиной шагнула...
Не робкой и застенчивой,
Не знающей любви,
А разной – злой, изменчивой,
С дурным огнём в крови!
И с багажом, составленным
Из боли и потерь,
Не слабой и подавленной,
А сильной – мне поверь!
Другой меня, наверное,
Ты и понять не смог,
Ах, сколько мной измерено
Неправильных дорог!..
И сколько жизнь не была-
Умела выживать!
Во мне такая сила –
Тебе не устоять!

И, всё-таки,
прижавшись вновь к твоему плечу,
той девочкой наивною
я снова стать хочу...

* * *

Не умолкает песнь,
свет озаряет дом,
мой ты сегодня – весь!
Может, забыл о том,

как из-за чёрных туч
к нам забрела весна,
о том, как небесный луч
нас отрезвил от сна?..

Призрачен и летуч
дым твоего костра,
как же огонь – могуч,
как же стрела – остра!

Раненой птицы песнь!
Мир – лишь в тебе одном,
мой ты сегодня – весь...
Может, забыл о том?

* * *

Я искала тебя по приметам.
По особому блеску очей,
по закатам, восходам, рассветам,
по бессоннице длинных ночей.

Я искала тебя по туманам,
по дождям и по грому с небес,
я искала тебя по обманам,
ангел, демон, любовник и бес...

Я искала тебя по приметам,
до сих пор продолжаю искать,
между мраком и солнечным светом,
где небес бесконечная гладь.

* * *

Из какой-то забытой сказки,
из каких-то далёких снов,
из дождей, что смывали краски,
появилась моя любовь.

И теперь, всё терзает и мучает,
не даёт мне спокойно жить,
и пишу я от случая к случаю,
забывая и есть, и пить...

Так терзает меня отчаянно,
так тревожит мою постель,
но к тебе я душой припаяна.
Только верь! Умоляю, верь!

Я с тобой и нежна, и ласкова,
мне открылась другая новь...
Старой книжкой, забытой сказкой
приходила ко мне любовь...

* * *

Моё грядущее – в тебе.
Ты мой мотив, мой свет, мой Бог,
моя награда по судьбе,
мой компас посреди дорог.

Моё грядущее – в глазах,
в твоих глазах, что цвета мёда...
ты свежий ветер в парусах,
ты Ангел, что стоит у входа

в мой Храм Души. Так знай же,
что без тебя, себя – не мыслю,
и в этом мире, полном фальши
ты душу наполняешь жизнью...

ВНЕ ВРЕМЕНИ

Не надо целиться в меня,
Прошу тебя, не надо!
Сгораю я не от огня –
Сгорю – от листопада...

Сгорю от нежности твоей,
От твоего участия,
Не понимая – только в ней
Душа находит счастье!

Сгорю от губ, сгорю от глаз,
От рук, что твёрже стали.
Не время пощадило нас –
Мы от него устали...

* * *

Лягут карты веером
может быть к беде,
как тебе я верила,
больше чем себе...
Лягут карты веером,
лягут точно в масть,
жизнь шагами мерила,
чтобы не упасть...
Сколько нам до пропасти,
в темноту и тлен?
И года, как лопасти,
рассекают день.

* * *

Сгорает дотла позабытая юность...
И птицей усталой нам машет крылом,
всё отдала бы за то, чтоб вернулись
в те дни, где мы счастливы были вдвоём...

Глядятся в широкое небо печали,
как будто забыли дождей адреса,
и всё – впереди, всё лишь только в начале...
мы молоды – верим ещё в чудеса...

Всё это мечты. Ни на миг не вернётся
мелодия наших бессонных ночей,
а может быть, всё же, на небе зачтётся
любви нашей тонкий прозрачный ручей...

* * *

Прости!
Была я не права –
дурные мысли!
Ещё кружится голова
от этой жизни...
Ещё способна на мольбы,
ещё влюбляюсь!
Ещё за краюшек судьбы
я так цепляюсь!
Ещё встречать хмельной рассвет
я не устала!
Моей душе – две тыщи лет –
начнём сначала!

Ю. К.

Я люблю. Остальное потом.
Остальное – не нужно, не важно!
Я люблю. И страдаю при том,
и плыву каравеллой бумажной!

Я люблю. И назло всем ветрам,
всем сомнениям, всем неудачам
никому я тебя не отдам,
знаю, что для тебя что-то значу...

Я люблю. Остальное – пустяк!
Через зыбкую дымку тумана
я увижу далёкий маяк,
верю, что для тебя я желанна!

Далёкий мой!
Знает всё о нас прибой,
знают ветры, знают зимы,
что тоска необъяснима...
И мгновенья не с тобой
растянулись суетой...

2.

Мой близкий!
Мой дальний!
Судьба на двоих,
и снова печальный
рождается стих,
и снова печально
расплакалось небо,
возьму тебя в тайны,
в которых ты не был,
откроется всё же
заветная дверь...
И сердцу поможет
уйти от потерь...



Я и ТЫ

1.

Я и Ты – две дождевики,
два космоса.
Две пылинки.
Два моря. Два лотоса...
Я и Ты – два магнита,
два полюса,
Два гранита.
Начало материи.
Две грозы.
Две слезы.
Две мистерии.
Мой нескладный,
неправильный стих!
И судьба – одна на двоих!

2.

Ты и я – это две Галактики,
что сливаются воедино...
Не страшны и морозы Арктики –
потому что тобой – любима!

Два цветка - просто две ромашки,
два рассвета, закат – один...
Рукава мы одной рубашки,
потому что ты мной – любим!

* * *

Ты - подданный моих стремлений,
устал давно уже, наверно?
Я - королева всех волнений!
Всё кажется - пишу я скверно!

Я - королева всех эмоций!
Я знаю - ты устал от них...
Там, наверху - тебе зачтётся...
ОН знает, как приходит стих.

Лишь ты спасаешь от сомнений,
Ты - не поэт, тебе - видней!
Я - королева Вдохновений,
а ты - король всех Королей!

* * *

Не болей, любимый, не болей!
Я тебя от бед и вьюг укрою,
постелю из ландышей постель,
в изголовье - из ромашек поле!

Вместо лампы - яркую луну,
на пол - изумрудных трав настил.
Потому что я тебя люблю,
как никто на свете не любил!

* * *

В стране, где кончается нежность,
не слышал ты ласковых слов,
обрывки там фраз, неизбежность,
и междометий укор...

В стране, где кончается нежность,
душа не торопится в дом,
расчески, заколки небрежно
забыты, оставлены в нём.

В стране, где кончается нежность,
болота, трясина и ил.
В стране, где кончается нежность
со мной никогда ты не жил....

* * *

По всем приметам к исходу лета
приходят в душу тоска и лень,
но мы не будем сейчас об этом
в такой прекрасный осенний день
и вспоминать... Уходит лето,
закон природы не изменить,
на все сомненья я ставлю вето,
мы продолжаем любить и жить...
И будут снова без сна рассветы,
и лучик света в твоих глазах,
уходит лето, уходит лето,
а мы, как прежде – парим во снах...

* * *

Я стану ангелом твоим,
я буду за тебя молиться,
ты будешь мною век любим,
забудь сомнений злые лица.

Я знаю точно – всё придёт,
там, впереди твоя вершина,
и жизнь твоя, как Крестный ход,
а я в ней только – половина...

МОЙ ДОН КИХОТ

Как хочется спасти тебя
сегодня от себя самой,
от пыли солнечного дня,
хамсина,² ставшего судьбой.

Как хочется тебя спасти
от своего непониманья,
не перестану чушь нести,
душевного недомоганья...

Как хочется тебя спасти
от роя собственных сомнений,
от этой тяжести в груди,
от собственной тоски и лени...

² Хамсин, восточный ветер с пустыни, несущий песок.

Но ты спасению не рад,
мой Дон Кихот с копьём бумажным,
стоишь у золочёных врат
ты одинокий и отважный...

* * *

Прости меня, не позвонила,
прошу, прости!
Судьба меня так больно била
и медь в горсти..
Тебе отдам тепло и нежность,
не разменяв.
Прости всего одну небрежность,
я знаю – прав!
Сегодня опустились руки,
мне – не летать,
есть телефоны у разлуки,
пора бы знать...
И сквозь сомнения и боль
услышь мой плач,
сегодня ты, конечно, мой –
Судья-Палач...

* * *

Сколько разных на свете судьб,
сколько разных на свете глаз,
но не будет, поверь, не будет
никогда похожих на нас.

Сколько разных путей и тропок,
обещаний и расставаний,
голос мой во Вселенной – робок,
и не слышно моих признаний.

О любви не кричат, а молятся –
за каждый прожитый день.
Пусть уходит моя бессонница,
не оставив сомнений тень.

И прошу самой малой малости
с каждым новым рассветным днём,
не покинь меня даже в старости,
если к ней мы с тобой придём.

* * *

Неделя разлуки – такая беспечность,
Неделя разлуки, а кажется – вечность!
Глаза твои, губы, дыхание, руки,
Неделя разлуки, неделя разлуки...
Я, кажется, вовсе дышать перестала,
Неделя разлуки – я страшно устала,
Дни тянутся долго и ночи – без сна,
Неделя разлуки – без солнца весна!
Душа замерзает, тобой не согрета,
Неделя разлуки – мучительно это...

* * *

Душа – наполненный сосуд
из наших чувств,
пусть дни ненастные пройдут,
оставив грусть!
Пылинкой мысли на ветру
гоняет ветер,
от старых дум оставит пусть
один лишь пепел...
Душа наполнена тобой,
как верой в Б-га –
ты – каждодневный непокой,
моя тревога...
Туда, где помнят, любят, ждут –
Стремиться надо...
Душа – наполненный сосуд,
любовь – награда...

* * *

Удержи меня в плену
губ, объятий и улыбок!
Нет, не ставлю я в вину,
сделанных тобой ошибок...

Удержи меня, прошу,
в этой клетке, цвета бордо,
в ней почти я не дышу,
но смотреть пытаюсь гордо...

Я с обидой не дружу,
враг беспечности и лести,
даже сердце остужу –
лишь бы быть с тобою вместе...

ЕЩЁ...

1.

Ещё весной душа полна,
ещё умею слышать лето,
ещё не выпита до дна,
ещё тобою не согрета...

Ещё горит огонь в груди,
ещё задумчивы рассветы,
ещё так много впереди,
ещё не найдены ответы...

2.

Минуты и часы вершат свой ход,
считают не года, а поколения,
и пусть лицом стоим мы на восход,
ещё не приходили откровения...

Ещё полна таинственности жизнь,
ещё манят куда-то нас рассветы,
ещё свежа и актуальна мысль,
и песни до конца не все допеты.

* * *

Прости меня за моё безумие,
За этот вечный и странный зов!
За эти страсти на дне Везувия,
За наши будни, за ночь без снов.

Прости меня за мои чудачества.
Мне так хотелось попроще жить.
Прости меня за моё ребячество.
Но не сумею другою быть...

НЕТ ОБИД

Нет обид. Обижаться не стану.
Я умею шагать через боль.
Вам, так просто познавшим нирвану,
не понять, как мной сыграна роль...

Научилась шагать через лужи,
научилась шагать через грязь,
через души, где вьюги и стужи,
и сердца, где загублена страсть...

И назло и дождям и туманам,
и скорее, судьбе вопреки,
для тебя - я останусь желанной,
даже если сгорю от тоски...

Нет обид. Я над ними. Я выше,
слышишь, снова мелодия здесь,
это ангел, сидящий на крыше,
подарил мне заветную песнь...



СЕЗОН ДОЖДЕЙ

* * *

Знаю – была не смелой,
судить меня – подожди,
я нарисую мелом
сиреневые дожди...

Будут искриться лужи,
струны дождя – звенеть,
как ты по жизни нужен
осени знала медь...

Знали ветра чужие,
знали моря и реки,
как мы с тобою жили –
обычные человеки...

* * *

Разбудит новая заря
наш спящий город,
а ты дождями декабря
ко мне приколот!

И нет в мелодии твоей
ни грамма фальши,
обиды наших прошлых дней –
в тоске вчерашней!

Не уходи! Назло дождям
нам здесь уютно!
Мы не уступим декаблям³
такое утро!

КОНЧИТСЯ ДОЖДЬ...

Манит в вечную даль
ветра первая скрипка,
опускается хмарь
в стёкла осенью липкой...

Утро нового дня,
Как же мне бесприютно

³ В декабре в Израиле начинается сезон дождей.

в середине дождя
в это хмурое утро!

Здесь погода не та,
всё дожди да туманы,
суета, маета,
и сердечные раны...

Знаю, кончится дождь
где-то в новом закате,
и привычная ложь
потихоньку откатит.

Вспомнит чья-то душа
про былое веселье,
дождь уйдёт, не спеша,
где-то под воскресенье...

* * *

Опять в окно стучится ночь.
Не поднимает трубку дочь.
Газеты снова что-то врут.
И спрягал нож коварный Брут.
Стекло дрожит от силы ветра.
И до вершины – пару метров.
Скрипят чужие тормоза.
В ресницах прячется слеза.
Стекают каплями мгновенья.
Вступает ночь в свои владенья.

* * *

В туманной д́али завтрашнего дня
сегодняшняя ночь не повторится,
что нам откроет книга бытия,
ещё пусты, пусты её страницы...

В туманной д́али завтрашнего дня
мы не узнаем, что же будет с нами,
и прошлое пусть станет для меня,
напевной песней из одной печали...

В туманной д́али завтрашнего дня
судьба укажет вечный путь к закату,
не подгоняй меня, судьба моя,
ещё я не готова на утрату...

* * *

Снова дождь.
И запах мокрой пыли
так знаком...
Ты бредёшь...
в тебе мечту убили –
в горле – ком.
Снова дождь.
Смывается потоком
боль и ложь...
Смертью,
жизнью,
тайным роком
пахнет дождь...

* * *

Дождливый день невысшимой тоски,
природа нам заплатит неустойку,
а время мчится оголтелой тройкой
и серебрит без спроса мне виски...

Остановись! К чему такой галоп?
Успею и в тупик, и к знакам «стоп»...
Ещё идёт мой жизненный урок,
ещё не растеряла смысла строк...

* * *

Гремит, сверкает
сегодня небо.
И вечер – тает,
и жизнь – нелепа...

Сижу в квартире,
она, как склеп,
в забытом мире
так горек хлеб...

И ты не рядом.
Разделит нас
дождя и града
тревожный бас...

Что с небесами?
Не надо слёз!
Дождь между нами
опять – всерьёз...

* * *

Обычное утро.
Туман и дожди.
Душа бесприютна.
И счастья не жди...

И всполохи света,
и грома набат,
не верю приметам,
но завтра – шабат...

Обычное утро.
И целая жизнь.
На небе – всё мудро.
И слово. И мысль.

* * *

Дождь.
Вечный дождь.
И весна
не в силе
нас разбудить ото сна
в квартире,
где на полках замёрзли книги,
где не жду я чуда в каждом миге,
где давно разделила блюда
на «свои» и на «не от сюда»,
где звучит, как набат сирена
вавилонского злого плена...
Вечный дождь. Это небо плачет
о том, что я ничего не значу,
и слова, что приходят строем
из меня создают изгоя...

* * *

Глотаю «прозак»⁴
день ото дня,
а жизни проза
сожрёт меня.

Ком липкой грязи
на сапогах,
кто метит в князи,
кто в дураках.

Расклад понятен
и ясен всем,
чем больше пятен,
тем крепче шлем.

Я под защитой.
Мне шлем не нужен.
Останусь битой
и в грязной луже.

⁴ «Прозак» – антидепрессант.

* * *

С душою нараспашку
не просто, знаю, жить!
Смирительной рубашкой
врагов не удивить...

И носимся по миру –
дожди, ухабы, кочки.
И выплеснулись лиры
в заплаканные строчки...

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Дождь опять играет Шумана
черепицей старых крыш...
знать, мелодия придумана
для тебя, малыш...

Спи спокойно, убаюканный
под гармонию дождей.
Просто наслаждайся звуками –
как свободой дней.

Дождь опять играет Шумана.
Ах, мелодия дождей.
Для кого она придумана,
если мы не вторим ей?

* * *

Ах, какое сегодня солнце!
Отступила эра дождей!
И весна стучится в оконце,
И умытый блестит Колизей!

Ах, какое сегодня утро!
Гул автобусов и такси.
Поступать по-другому – мудро,
Не проси меня, не проси!

* * *

Раскаты грома, молнии сверкание...
Нет, не ищи, любимый оправдание
ты для тоски... Пожалуйста, не надо.
Пусть дня ненастного прохлада,
пусть дождь и ветер за окном
приносят непогоду в дом...
Наш дом по-прежнему так светел –
Не страшен непогоды ветер!





КАМЕННЫЙ ГОРОД, КАМЕННЫЙ...

* * *

Каменный город, каменный...
И никуда не деться.
Даже закатом пламенным
не достучаться в сердце...

Как великан разбуженный
воет он по утрам,
голос его простуженный
с детства знакомый нам.

И промывает горло
бензином он и соляжкой.
Он не любит гордых,
слабых ему не жалко.

Каменный город, каменный...
И дома – его серая рать.
С сердцем, тобою раненым,
страшно мне здесь умирать.

* * *

Мы имеем особое свойство –
лицедейство. Вся жизнь – Колизей,
лишь врожденное наше «актёрство»
отличает людей от зверей!

Мы имеем особые нравы,
что порою мне хочется выть!
Даже волки бывают не правы,
убивая других, чтобы жить!

* * *

В глубине, на краю отчаянья,
там, где ивы глядятся в пруд,
утонула мечта случайно.
Я расплакалась – не найдут!

И с тех пор я живу отчаянно,
без стандартов до неприличия.
Из какого я сплава спаяна?
Нараспашку всё то, что личное...

Надо мной – чёрной тучей вёроны,
в спину больно толкает бес,
улететь бы в другую сторону,
там, где море коснулось небес...

* * *

Мне сегодня и грустно и холодно
и уставшие ноги болят,
всё брожу по притихшему городу,
в камнепад, в звездопад, в снегопад...

Неприкаянно сердце колотится.
Может, чувствует – быть беде,
ничего уже не воротится –
ни в судьбе, ни во мне, ни в тебе.

Как грустна, как печальна мелодия,
но тем ярче её фрагменты.
Жизнь прошла, словно злая пародия,
под единственные аплодисменты...

* * *

И мысли снова пугаются строк,
и свечкой сгорают мгновенья,
жизнь – это просто из детства пирог,
разделенный на сновиденья,

на залпы салютов, на зависть врагов,
на вой бесконечной сирены,
на пенье чужих и забытых богов,
на подлости и на измены...

Но слышу я голос, и видится свет,
я знаю, не всё так ужасно...
Но всё повторяется тысячу лет –
пирог мы делили напрасно...

* * *

«Игрушка – сердце».
Налетайте – скидка...

У меня сегодня в горле ком.
Может выпить? Но разбита «кружка».
Где-то на прилавке городском
Сердце продавалось, как игрушка...

И со скидкой. Видно продавец
Сбыть товар стремился залежалый.
Мир забытых плюшевых сердец!
Мне всегда его так не хватало...

Дефицит сердечной теплоты
пусть заменит плюшевое сердце,
в этом мире «вечной мерзлоты»
будет, чем душою отогреться...

* * *

Сколько на меня обрушится
новых бед?
Словно в танце с нами кружится
лунный свет...

Сколько мне ещё под звёздами
не гулять?
Сколько мне часами поздними
не вставать?

Видишь, снова стены рушатся
до камней...
В страстном танце с нами кружится
вечность дней...

НИТЬ СУДЬБЫ...

Ах, моя рубашка тесная –
не влезают два крыла...
для кого сейчас воскресла я,
для кого вчера жила?

Быть весёлою, печальною,
кто мне сможет запретить,
я владею главной тайною,
я разматываю нить...

ДВА АНГЕЛА

Самоубийства детей –
это признак духовного кризиса
в обществе...

Вечер промозглый. Вой ветра и свист...
Какое несчастье! Недетский каприз!
Лиза и Настя прыгают вниз...

...остались записки, сердечки, игрушки,
и девичьи слёзы на смятой подушке,
за руки взявшись, две лучших подружки

над небоскрёбом с розовой крышей
в небе над городом, выше и выше...

Как ангелы, просто расправили крылья...
И в небеса... от людского бессилья.

ТАЙНА

Картина – застывшая тайна,
мир улиц и мир площадей,
навстречу – прохожий случайный,
песчинка он в мире людей...

Зачем ты несёшь эти думы?
Куда, в какие края,

отправятся полные трюмы
жителей корабля?

Кому-то – подарить надежду,
кому-то – лишь горечь разлук,
с одной – обращаешься нежно,
с другой – ты срываешься вдруг!

В чужой, незатейливой спальне,
где только вчерашний парфюм,
закроешь ты наглухо ставни,
как будто – закрылся от дум...

НОСТАЛЬГИЯ

Слабым перочинным ножиком
я тебя пугала, бес...
а на небе чёрствым коржиком,
месяц плавал средь небес...

Отчего сегодня смелая?
И злых духов не боюсь...
Что ты знаешь, скатерть белая,
о земле с названьем Русь?

Я далёкая, нездешняя,
только строчек вьётся вязь.
И смывают воды вешние
ностальгию, словно грязь.

А ЧТО ТЕБЕ...

А что тебе? Живёшь ты просто так,
не жаль тебе ни нищих, ни собак...
И пустота в глазах наводит ужас,
в них – ничего... лишь лёд один и стужа.
А что тебе? И Байрон и Шекспир,
и даже Чехов, покоровивший мир,
тебе так чужды. С самого рожденья
душа твоя обречена на тленье...
И замыкается на этом жизни круг,
живёшь без страха и душевных мук,
и не зациклен поиском начала,
не отличаешь пристань от причала,
и в повседневной суতোлке буден,
ты виноват, хотя и не подсуден,
А что тебе? Как свечка, догорая,
ты не поймёшь, что я совсем другая...

* * *

Жизнь внезапно разбилась
на миги,
на звуки,
на стоны.
И летела
огнями,
дождями,
слезами
на чьи-то перроны...

А быть может, приснились когда-то
и детство, и юность, и зрелость...
Эта вечная боль и расплата
за такую не женскую смелость...

Я живу по клише,
всё размеренно, скучно и узко,
и не в радость уже
ни помада, ни новая блузка...

Жизнь внезапно разбилась
на тысячу мелких осколков,
это девочкой я заблудилась
в старой сказке про «серого волка»...

АПТЕКА

Аптека! Знаю, слишком разный люд
за все года ты повидала тут.
Аптека! Ты старалась быть полезной
среди толпы кричащей и болезной.
Лечила с упоительным упрямством
ты, заражённых даже грубым хамством,
Нет, совершенству не найти предела,
лечить пыталась душу, а не тело,
с таким необъяснимым постоянством,
искала средство от простого чванства...
От глупости, от пошлости, от лени,
от синяков на дрогнувших коленях
ты всё-таки найти пыталась что-то,
опровергая назначенье кода.

В моей стране скрипачек и врачей,
в банановой идиллии достатка,
где отпускают с миром палачей,
профессора где часто дружат с тряпкой...

В моей стране, где пролегает пропасть
меж роскошью и просто нищетой,
в моей стране, где равнодушья лопасть
нас перемелет с жуткой быстротой...

Мы здесь живём. Скорее обитаем,
где словно в джунглях – лишь один закон,
и в облаках по-прежнему витаем,
и удивляемся, как всё здесь терпит ОН...

Наш русский здесь – скорее вопреки,
и в принципе – он никому не нужен...
Я понимаю, что слова горьки
и голос мой давным-давно простужен.

В моей стране скрипачек и врачей,
где мы с тобой всегда второго сорта,
нам не стоять у трона «первачей»,
и не найти пристанище у порта...

В ЭТОМ ПОДЪЕЗДЕ...

В этом подъезде – вечная сырость,
время на осени остановилось.
Люди – как люди. Праздники. Будни.
Есть – работяги, есть – праздные трутни.

В этом подъезде – вечная влага,
здесь поселиться – большая отвага,
стены впитали чёрные мысли
чьей-то впустую прожитой жизни.

Много таких незадачливых мест
в душах у нас, да и, в общем – окрест,
Господи! Что это – маски иль лица?
Только прошу – здесь – не дай поселиться!

ДЕТИ ЧЕРНОБЫЛЯ...

26 апреля – 26 лет катастрофе
Чернобыля.

У горя глаза особые...
бездонные, как озёра,
я помню детей Чернобыля –
как стайкой входили в море...

Как их приняла чужая
и чуждая им страна,

как детский кусочек рая
вкусили они сполна...

Я помню детей Чернобыля...
Я их забыть не сумею...
У горя глаза особые.
Их даже не лечит время.

2012 г.

ГЕРМАНИЯ
НАЧАЛА ВЕКА...

Белая крыша,
красная крыша,
где-то дом выше,
где-то дом ниже...
Что я увижу
через столетье,
эру дождей,
и войны лихолетье?
Ну а пока –
небо всё ближе,
белая крыша,
красная крыша...
и облака...
и манящие дали...
словно века
их ещё не измяли...
не вырывали
камни из скал

и не взрывали
смертельным потоком,
тех, кто читал
на иврите высококом...

ОБЫЧНЫЙ ГОРОД

Обычный город Золушек и Троллей!
Ну, что ты знаешь о душевной боли?
Ты в вечной маске – нужно улыбаться,
когда стихи и песни не родятся...

Когда сбивают на ходу машины,
и кровью наполняются морщины...
когда подонок, наточив клинок,
не забывает подлости урок...

Когда опять идут дурные вести –
Давным-давно поблек мундир у чести,
а те, кто всё-таки в чести,
не знают – нас куда вести...

КАК ХОРОШО...

Выпито утро большими глотками,
ветер играет в футбол с облаками.
Город проснулся и медленно дышит,
голуби чинно уселись на крыше.

Новое утро. И новая песня.
Новая сказка о том, что мы вместе.
Новое солнце. И новый закат.
Я не меняюсь. И кто виноват?

Те же сомненья, дурацкие мысли,
те же ошибки, просчёты и числа.
Та же открытость. И вдруг мне открылось –
Как хорошо, что я не изменилась!

* * *

Не всё так плохо, как тебе казалось!
Мы всё-таки испытываем жалость...
Ещё не разучились сердце слушать,
ещё не напрочь очерствели души.

И нищего на паперти заметив,
нас не уносит равнодушья ветер,
на все затворы запёртое сердце
ещё весной может отогреться...





МИР - НА АПТЕКАРСКИХ ВЕСАХ ДОБРА И ЗЛА...

* * *

Мир – на аптекарских весах
Добра и Зла,
и только вера в чудеса
его спасла...

Из глубины, из тайных снов
приходит мысль,
и, избавляясь от оков,
стремится ввысь.

И там, в далеких небесах –
вольётся в Свет,
мир – на аптекарских весах –
сомнений нет!

* * *

Весь мир в божественной ладони.
Рисует разное Творец,
его улыбка есть в Мадонне,
он сам – Начало и Конец...

И мы, простые человеки,
грешны, наивны и смешны,
мы, усмирив моря и реки,
порой самим себе страшны...

ПОЕДИНОК

...8 февраля была 175 годовщина
трагического поединка.

Где-то у Чёрной речки
небо «сошло на нет».
Жаль, что не дал осечки
новенький пистолет!

И одинокий ангел
тихо слетел с небес,
где танцевали танго
вьюга и зимний лес...

Кровь на снегу пылала
и превращалась в лёд,
и только небо знало –
вверх эта даль зовёт!

Горе тоску сминает.
Спущен судьбой курок.
Рана дырой зияет,
и... неотступен рок

8 февраля 2012 г.

И. БРОДСКОМУ

1.

Нет, победителей не судят!
Не нам! Не Вас!
На перекрёстке чьих-то судеб
портрет анфас...

Слова. Слова. Ложатся в строки...
Весома мысль.
Жизнь – это жизнь. Горьки уроки.
Давай, держись!

На перекрёстке всех ветров
стоит Поэт.
Нет ни объятий, ни оков.
И смерти нет.

На перекрёстке всех дорог –
Слезами – дождь,
И там, с небес, взирает Бог
на чью-то ложь...

2.

По какой-то беспечности,
по велению судьбы,
на билет в поезд Вечности
не просили займы.

И к далёкой России,
через множество лет

Вы вернётесь Мессией –
безысходности нет...

И над Вашей строчкой
вдруг появится нимб,
и конечную точкой
есть созвучие рифм...

АННЕ АХМАТОВОЙ

«В утренний сонный час,
– Кажется, четверть пятого, –
Я полюбила Вас,
Анна Ахматова».

Марина Цветаева.

Тридцать лет назад
не верю календарю –
я полюбила взгляд
и до сих пор люблю.

Я полюбила слог,
чёткость и стройность рифм,
Вы – всемогущий Бог,
Вы – неприступный риф.

Профиль Ваш и анфас,
словно с иконы взятые,
я полюбила Вас,
Анна Ахматова.

И БЫЛИ ПИСЬМА...

«Расслоили...
Стена да ров.
Расселили нас как орлов».
Марина Цветаева. «Б. Пастернаку»

Была любовь без поцелуев
и тайных встреч.
Душа кричала: «Аллилуйя!»
огаркам свеч...
Сквозь расстоянья и погосты
и города
их просто разделили – вёрсты
и навсегда.
И были письма... много было –
слиянье душ,
но разделила их могила –
петельный гуж!
А в каждой строчке жизни сила –
неведом страх...
За что распяла ты, Россия,
их на крестах?

* * *

И что вам до меня?
Какое, право, дело?
Где я брала огня,
где по ночам я пела.

Слезами, не водой,
беспечной и лукавой,
кому была – бедой,
кому была – отравой.

Не вам меня казнить
на самом людном месте,
не вам меня винить
ни в глупости, ни в лести.

И что вам до меня?
Я перышком растаю,
не плача, не вина,
я просто – улетаю...

АНГЕЛУ...

О том, что я давно забыла
мне расскажи,
как годы пролетали мимо,
как миражи.
Как заколдован детской сказкой
зелёный лес,
как улыбался мне под маской
проклятый бес...
Как вечно происходит таинство
большой любви.
Как сердце продолжает маяться,
болеть в груди.
О том, что я давно забыла,
поведай мне,
как я страдала, как любила
здесь, на земле.

ХРАМ ДУШИ

Марку Азову...

Нет, не стать никогда провидицей –
лик не тот.
Мы живём тихонько в провинции
круглый год.
И о чём стоит мне задуматься?–
видит Бог,
эта серая злая улица,
как чертог.
Только стоит к НЕМУ приблизиться –
видишь свет,
этот Храм, что в Синае высится –
твой, поэт!

ПАМЯТИ МАРКА АЗОВА...

...после прочтения книги откровений
и фантазмов «И обрушатся горы».

И приходят ко мне откровения
через боль,
что ты знаешь, моё мгновение,
про любовь?
О висках, побеленных временем,
в двадцать пять,
о друзьях, так давно потерянных,
ходом «ВАД»⁵...
Не расскажешь, моё мгновение,
о судьбе,
нет, не падал на колени я,
жил – в борьбе.
До последнего, Б-жьей милостью,
до конца,
я искал одной справедливости
у Творца.
Впереди – невесомость вечная
на часах,
а душа моя – птичка певчая
в небесах.

⁵ ВАД – военная административная дорога.
Сокращение, принятое во время Второй мировой войны ...

МОЯ ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

Эти море и солнце видели
столько горя,
для кого ты была обителью,
знают горы...
Для кого ты была убежищем
знает лес,
нам, не помнящим, нам не верующим
свет с небес....
Для кого ты была спасением,
расскажи,
и сжимают враги с презрением
рубежи...
Эти море и солнце слышали
Божий глас,
неужели мы просто выжили
в этот раз?

* * *

«Как многолюдно одиночество».

Вадим Халупович.

Как многолюдно одиночество,
как беспокойно на душе.
Каких же мне мотивов хочется?
Любых, но только без клише.

Как многолюдно одиночество,
как город каменный гудит,

Поэзия! Твоё Высочество,
со мной вообще не говорит.

Как многолюдно одиночество,
не спрятаться, не скрыться в нём,
но, несмотря на все пророчества,
мы здесь по-прежнему живём.

ДОЧКЕ...

Девочка моя! Тростинка тонкая!
Чем же он обидел так тебя?
Плачешь тихо ты, закрывшись в комнате
от меня, от мира, от себя...
Будет всё. Обиды, расставания,
радость, грусть, признания в любви
и, конечно, разочарования,
всё, родная, будет впереди!
Это просто жизнь.
Со всеми красками!
Это жизнь.
С печалью и тоской...
Это жизнь.
С любовью, болью, масками...
Ты прими, познай её такой!

* * *

Ах, фарисеи, как же мне знакомо,
с таким размахом сказанное слово,
и тонет мир в обычном фарисействе,
со сцены прославляется злодейство...
И видит Бог, я – «не зову, не плачу»,
и поиском дорог не озадачу
я ни тебя и ни Творца, конечно,
и грим с лица сотру я безусловно...

ПРАХ КАТАСТРОФЫ

«Календарь Москвы заражён Кораном».
И. Бродский.

Вопреки куда-то идущим планам,
мы, так придавленные Кораном,
мы, забывшие слово – «честь»,
растеряли благую весть,
это мы, создавшие наших «братиев»,
смачно плюющими на «демократию».
Мы, гонимые вечной болью,
перепутали жизнь с юдолью,
и когда наступит расплата,
брат уже не услышит брата.

Пусть Европы земля так просто
стала вечным для нас погостом,
прах, рассеянный лишь ветрами,
он по следу идёт за нами.

И пронзительный вой сирены
через кожу впитали вены.
Замирает на миг мгновение
от кошмарного сновиденья...
и история в новых лицах
пусть спиралью не повторится.

Я НАДЕЮСЬ...

Может быть – я просто устала
от безумного карнавала,
и от глаз, где живут пустоты,
от стихов, противных до рвоты.

А дожди пусть смывают краски
с тех, кто носит по жизни маски,
а когда вдруг наступит лето,
мы на «зависть» наложим вето,

на уныние и на скупость
и, конечно, на чью-то глупость.
И объявим себя – орлами,
я надеюсь, вы тоже с нами?

УСТАЛА...

Вы говорите – жизнь борьба! Устала
я поднимать и опускать забрало,
и промолчать, где просто крикнуть надо,
а не прогладить флаги для парада.

И это верно, что устройство мира –
несправедливо.
Зачем поёшь, моя дурная лира,
опять фальшиво.

И грусть ложится на страницы
в который раз,
душа, как раненая птица,
в последний час...

* * *

О мой народ, кичащийся всегда
Своею избранностью пред другим,
Опять идёшь куда-то не туда
пренебрегая самым дорогим...
И слышу я – уже кипит вода
бурлящего Вселенского потопа,
твоя вина или твоя беда,
что ты опять живёшь всё так же плохо,
и праведников вновь ведёшь на Крест,
не замечая в повседневном шуме
всей чистоты и святости тех мест,
и вновь становишься волкѡм
в овечьей шкуре.

* * *

Всё будет то же:
Небо и Земля,
измятым – ложе,
в пухе – тополя...

И будет так же
пениться прибой,
и руки – в саже,
и мечтаний – рой...

Луна и Ветер.
В подворотне – грязь.
От страсти – пепел.
Только всё – без нас...

* * *

Пусть в чёрно-серый
ложится грусть
и красный с белым
забыты, пусть.

Мой день обычный
и свет зари.
Мои привычки.
Календари.

Варенья пена –
наш небосвод.

Так красит время
свой вечный ход.

На хлеб намажу
я пену дня,
найди пропажу,
судьба моя!

* * *

Быть может, первого апреля
мы всё-таки обманем время,
и время повернётся вспять,
как моря вековая гладь...

И может, будет нам казаться,
что нам сегодня только двадцать,
и впереди ещё «цунами»,
и сны ещё владеют нами...

и может, мы на миг вернёмся,
туда, где обжигало солнце,
туда, в бессонные закаты,
где мы ни в чём не виноваты...

* * *

В старый ящик запрячу обиды
и закрою его на замки,
не подам, не надейтесь, и вида,
что слова ваши были горьки.

И живу я, встречая и празднуя,
каждый день, словно новый обряд.
Я – другая! Вам кажется – праздная?
В этом, думаю, март виноват...

* * *

В теле занозой
Застряла душа...
Сергей Москаленко.

В теле занозой
застряла душа,
Я буду Спинозой
сидеть без гроша.

Ей хочется просто
наружу, летать.
Отмерены вёрсты
и гордая стать.

Дано ей услышать.
Ей – вечность напела.
И к Солнцу, всё выше,
но плавится тело...

РЕКА ПАМЯТИ

Память рекой уносит
в такую, в такую даль,
где столько немых вопросов,
где вечно живёт печаль.

Память в себе мы носим –
словно тяжёлый груз,
а если нбшу сбросим –
что будет?.. Сказать боюсь...

ВРЕМЯ

Всё так просто и сложно,
тёплый дом, райский сад,
что-то – истинно, ложно,
где-то грязь, где-то – клад...

Где-то плачут капли,
где-то пыль у порога,
и качнёт в колыбели
кто-то нового Бога...

Время – злобный проказник
с нами шутит опять,
даже в солнечный праздник
заставляя страдать...

* * *

Там, далеко, где-то за беспределом,
там, где с душою расстанется тело,
там, невесомостью вечной объята,
ждут нас другие события и даты.

И там, в странном мире блуждающих душ,
где нет ни ветров, ни дождей и ни луж,
где нет ни тоски, ни обмана, ни боли,
мы жизнь, словно пьесу – поделим на роли.

И будем играть без обид и без фальши,
на трубах ветров лишь победные марши.
Там, далеко, где-то за беспределом
чёрное всё же окажется белым...

* * *

«Это - время тихой сапой
убивает маму с папой».

И.Бродский

Вот и дошли с тобой до половины
Дороги, что длиною в жизнь.
Оглядываюсь, а кругом - руины.
И мы ползём куда-то дальше, вниз...

Давно сыта, а мне всё мало, мало.
Всё хочется постигнуть и познать.
О, Господи, как постарела мама,
лицо отца я стала забывать.

Уходят близкие и нужные нам люди
Куда-то вдаль, скорей на небеса,
Так было. Есть... и так, наверно, будет.
Но всё-таки я верю в чудеса...





ЗАЧЕМ НАМ ВОЗВРАЩАТЬСЯ В СТАРЫЙ ДОМ...

* * *

Зачем нам возвращаться в старый дом?
Где стены помнят только наши ссоры,
где в воздухе обиды и укоры.
Зачем нам возвращаться в старый дом?
В котором – только призраки, наверно,
в котором – нам обоим было скверно.
Не надо возвращаться в старый дом –
пускай стоит, как памятник ненужный
былой надежде, верности и дружбе.
И голубиный падает помёт
на памятник «Любовь здесь не живёт»!

* * *

Я прошу тебя:
«Не порви струну»,
холод декабря
заковал страну!

На календаре
числится апрель,
только в декабре
я живу теперь...

Потому что лёд
этих серых глаз
с болью струны рвёт
мне в который раз!

* * *

В королевстве Кривых зеркал
ты – мой Ферзь, я – простая пешка.
Я забыла страстей накал,
так убей же меня, не мешкай!

Сколько было вина на подносах,
сколько яда в твоей груди,
но без стоны и без вопросов
ты убей меня и – уйди.

И другой будешь портить утро,
просыпаться и свеж, и чист,
всё же я поступаю мудро.
Так убей! И оторван лист!

* * *

Друг другом мы переболели.
Перестрадали. В этом суть!
Не надо злости, в самом деле,
Прости. Забудь. Не обессудь.

Друг другом мы перегорели,
остался пепел лишних фраз.
Корабль, наткнувшийся на мели,
и холодность усталых глаз!

КОГДА ТЫ НЕ РЯДОМ

С чёрным вороном, с чёрною тучею,
по дороге в обычный закат
повстречаюсь с тоскою гремучею...
Кто же в этом, скажи, виноват?

Мне сегодня особенно холодно,
потерялся весь кушленный хлам,
для меня ты был Солнечным городом
и дорогой, ведущею в Храм!

Мне сегодня особенно ветрено,
дождь упрямо стучится в виски,
расстоянья считаю не метрами,
а размерами чёрной тоски...

* * *

Ты ничего не знаешь обо мне,
ни чем дышу, ни чем живу – не знаешь.
Какие песни слышу по весне,
ты их мотив давно не принимаешь.

Ты не умеешь слышать плач дождей,
смех радуги и ноты звездопада.
Обычная песчинка среди людей,
тебе всё это в принципе – не надо.

Ты стал ничем давно в моей судьбе.
Нет страсти. Нет огня. Нет буйства красок.
Я в чёрно-белых снах приду к тебе.
Как мало лиц, как слишком много масок...

* * *

«Как мы вероломны, то есть –
Как сами себе верны».

Марина Цветаева.

Прочитана жизни повесть,
но всё же – не жги мосты,
как жизнь – вероломна, то есть,
как в ней вероломен ты...

А я тебя привечала,
стелила тебе постель,
смотри – вот и птиц не стало,
в реестре былых потерь...

Прочитана наша повесть,
но всё же – не жги страницы,
и плачет больная совесть,
стирая память и лица...

ТЕЛЕФОН ВОСПОМИНАНИЙ

Твой телефон сегодня просто умер...
потому что в трубке только зуммер,
потому что чувствую лишь жалость,
я к тому, что от тебя осталось...
Наше расставанье – как награда,
мне ничего давно уже не надо.
Твой телефон пугает тишиной
не потому что он потерян мной,
не потому, что тень воспоминаний
оставила рубец былых страданий,
и пустота с душой твоей – созвучна,
всё так понятно, и до боли – скучно.
Закрытый номер. На засовы, точно...
Моя тоска в него вселилась прочно...

* * *

Каждый раз, когда смотрел в глаза,
боль предчувствий затмевала солнце,
мне забыть его совсем – нельзя,
а придётся. Всё-таки придётся!

Каждый раз, когда он уходил,
думала – уходит навсегда!
Он меня, конечно, не любил,
а его полжизни помню я...

РОМАНС

Я удивляюсь тому, как проходите мимо,
мимо рассветов, закатов и ласковых глаз
женщины той, что всегда безумно любила,
Вас, понимаете, Вас...

Я удивляюсь тому, что Вы чужды приметам,
не растопить в Вас упрямства дурацкого лёд,
снега с таким постоянством ищите летом,
нет, Вам не нужен полёт.

Я удивляюсь тому, что могу удивляться,
какие мы разные с Вами и в этом секрет,
всё потому, что, наверное, стоит расстаться,
страсть Вам была лишь во вред...

* * *

Может где-то на краю заката –
там, где солнце окунулось в ночь,
я приду к своим забытым датам,
чтоб тоску изгнать из сердца прочь.

Может где-то на краю рассвета
новой песни вспыхнут огоньки,
и походкой лёгкой в чьё-то лето
я пройду по бёрегу реки.

Я надеюсь, что меня ты помнишь
не чужой женою, а невестой.
Почему ты снова, сердце, ноешь?
Может – на краю не хватит места?

* * *

Вот и всё. Я, дождём не умытая,
не укроюсь от злого огня!
Вот и всё. Я, тобою забытая,
ты же вечность прожил без меня.

Вот и всё. И опустится занавес.
И умолкнут и слёзы и смех.
Этот путь не проделаешь заново,
Не откроешь опущенных век.

И добавлю к таблетке – обиду,
И запью горечь сладким вином,
не подам, не надейся, и виду,
что остался ты призрачным сном...

* * *

Выйди на дорогу,
позови меня
в дальнюю тревогу,
там где тополя
пухом нашей грусти
замели поля...
На душе так пусто,
и скучаю я
по ветрам скрипучим
где-то вдалеке,
по снегам колючим
на моей щеке...
Здесь другие зимы,
льёт холодный дождь,
дни невозвратимы,
юность не вернёшь.
Лишь на той дороге,
в сером ноябре
не в тоске, в тревоге
я приду к тебе...
И закружат снова
в танце запоздалом
два забытых слова,
сказанных устало,
и вернётся память
в наш забытый дом,
мы науку «ранить»
познавали в нём.
Никуда не деться,
разошлись давно
два разбитых сердца,
как в плохом кино...

* * *

Не пиши мне больше песен,
я не стану их читать,
ты мне стал не интересен,
не хочу тебя я знать.

Не гляди в моё окошко,
стороною обходи,
я царапаюсь, как кошка,
помнишь, ссадины свои?

За окном темно и сыро.
Дома - тишь и благодать,
проходи скорее мимо,
не хочу опять рыдать.

Я не скрою, что любила,
но измены не прощу,
пролетело счастье мимо,
лишь о нём сейчас грущу...

* * *

Я скучаю по ветру
приморских бульваров,
по каждому метру
на Пушкинской старой,
по мокрому снегу,
что медленно таял,
по дворикам узким,
по беленькой блузке,
что я надевала...
И если бы всё для меня повторилось,

мне снова бы снилось
одесское море,
забытое горе,
измен и обманов твоих череда,
моё одиночество,
словно беда,
как сон и пророчество,
как неизбежность,
как вечная плата за чью-то небрежность,
по собственной дури, по чьей-то вине...
Но думаю всё же причина во мне.
Моё одиночество в городе людном –
забыть мне его удивительно трудно...

* * *

Есть особая смелость,
или дар, может быть –
без обыденных фраз
навсегда уходить.
Может – женская зрелость.
Может – лёд этих глаз.
Есть особая смелость –
расставаться сейчас.

* * *

Я тебе давно не невеста,
мы не виделись триста лет,
всё под солнцем искали место,
всё слагали любви сонет.
Оставляли дома и страны,
на костях продолжали пир,
ни добры были, ни гуманны,
разрушали привычный мир...
Наша жизнь и скучна, и пресна...
И дожди, и тоска, и грусть...
Я тебе – давно не невеста.
Я тебе – никогда не снюсь...

* * *

«Уходя – уходи». И не смей хоть на миг оглянуться...
Кто же это сказал? Я не помню, но кажется - Луций!
В нашем мире иллюзий и прочей другой ерунды
ты на миг задержался, но лучше скорей уходи.
Мы два полюса разных, готовых навек разминуться,
и фальшивые струны всегда только первыми рвутся.
Не смогла достучаться, а может быть – просто не смела.
Я не только любви – я ещё пониманья хотела.
Ведь помимо того, что желает и требует тело,
есть ещё и душа. Но она из тебя – улетела!

* * *

Приблудной кошкой в твой забытый дом
душа не попадёт, а так хотелось.
Я снова обожглась твоим огнём,
которым поначалу только грелась!

Что ж, приласкай! И молока налей!
Нам, диким кошкам, только это надо...
Быть может и найдётся дуралей,
которому погладить шерсть – отрада!

А может, позовёшь в свою постель?
Тебя смогу укрыть от листопада.
Ты только не считай потом потерь,
ведь дикая, она – любому рада...

* * *

Ушла любовь... А я жива!
И вот брожу по дому тенью.
И повторяются слова,
что в этой жизни кутерьма
не потому я – дурна,
а потому, что нет везенья.
Не потому, что ты – чужой!
Остался лишь любимый запах,
а потому, что мир – такой..
И сердце навсегда в заплатах!
Я вспоминаю города,
другие имена и даты.
Ушла любовь. Зачем? Куда?
И с этим примириться надо...

* * *

Упирается небо в окраины
там, где серым блестит горизонт!
Почему же мне так отчаянно,
так отчаянно не везёт?

Не ищу я причин и смысла –
только в датах календаря –
неужели я просто выросла,
просто выросла из себя...

Свет серебряный по окраинам,
очертания в дымке слились,
целой жизни бывает мало нам,
чтоб понять, что такое жизнь...

ТЫ БЫЛ...

Ты был в моей судьбе – конём Троянским,
пусть и одаривал меня всегда по-царски,
вдруг чёрной сажей ты измазал душу,
я не святая – все запреты – рушу.

Ты был в моей судьбе как наваждение,
как ураган. Ему сопротивление –
бессмысленно... И стены рухнут сами,
и потемнеют звёзды с небесами,

И загрустит, расплчется луна,
как я, печальных дум она полна...
И от костра один холодный пепел,
развеет поутру бродяга-ветер!

* * *

Наверное, меня накажет Бог
За то, что я жила, как получалось,
За то, что я терпеть не собиралась,
За то, что удержать меня не смог.

Наверное, меня накажет ОН,
за то, что чувства правили – не разум,
за все ошибки и пороки разом
из рая ОН меня попросит вон.

Ну, что поделать – нужно принимать
свою судьбу, как Б-жью благодать.
И ты... Ты так неправильно живёшь...
В аду в мои объятия попадешь!

* * *

Ничего никому не прощается,
ни убийство любви, ни мечты.
Возвращается к нам, возвращается
с гулким эхом от пустоты

то, что было беспечно потеряно
и разменяно на пустяки.
Ты мне верил, тебе я – верила,
почему же в руке медяки?

Никому ничего не прощается...
Совесь ждёт у заветной черты.
Покаяние – так называется,
путь, который проделаешь ты.

* * *

Наш забытый дом
на семи ветрах,
побывали в нём
и любовь и страх,
побывали в нём
и беда с обидою,
ну а мы живём...
Не подам и вида я.
И обмана грязь
не коснётся нас,
я протру полы
в комнате сейчас,
под струю воды
подставляю руки,
не хочу борьбы,
не хочу разлуки.
Смоет пусть вода
все обиды дня,
легче – для тебя,
страшно – для меня...

* * *

Давай раздвинем небеса руками
и попадём в таинственную даль,
где мы еще не разошлись врагами,
где прошлого ещё совсем не жаль.

Давай найдём забытый мыс Надежды,
поймаем ветер счастья в парусах,
ещё – со мной, ещё такой, как прежде,
ещё не стынут стрелки на часах.

* * *

Мы встретились случайно на заправке!
А ведь не виделись, наверно, тыщу лет!
Ты помнишь, как тогда читал мне Кафку?
А я зевала, думала – вот бред!

С тех пор промчалось много зим дождливых,
я научилась Кафку понимать,
и ценности – от истинных до мнимых...
сегодня я умею различать.

А ты женат... Наверно, счастлив... Дети.
И я не одинока и любима.
О, женщина! Не выпускай из сети,
таких мужчин, когда проходят мимо!

* * *

Не сумел ты Галатею
из меня, увы, создать.
Защищалась, как умела –
нечего теперь роптать!

За окном дожди и ветер,
в доме снова тишина,
верю – есть на белом свете
тот, которому нужна!

СНЫ С ПУШКИНЫМ

1.

Почему-то мысли щекочут нервы,
– Проходите, что Вы, конечно, первым!
Проходите, Саша! Налью Вам чаю,
Вы не первый гений, что я встречаю.
Приходил ко мне как-то в гости Бродский,
погрустили с ним об отчизне скотской...
Как и прежде, в ней – «жидовнёй» слывём,
а «на русском» только в кредит живём.
И не будет больше словесных драк,
не получит «Нобеля» Пастернак ...

– И что я, Саша, всё о печальном,
Как там, в России, сегодня дальней?
Какие книги? Какие песни?
Приходят к нам дурные вести,
что тонны русской родной культуры
сейчас лишь горы макулатуры?
Всё с Интернета. Забыты книжки.
И нет интриги, одни интрижки.
И умирает живое слово.
Скажите, Саша, придёте снова?
И поболтаем о наших буднях,
о палестинах далёких трудных...

Ваш «семитомник» мне часто снится,
(он груз тяжёлый для заграницы),
Пришлось оставить, пришлось не брать,
Все эти годы (не стану врать),
я не читала из вас ни строчки,

пыталась как-то, пыталась дочке.
Но только с русским она не дружит,
ей этот русский совсем не нужен...
не интересны Руслан с Людмилой,
и даже сказка не покорила.

Я знаю – Вам пора в дорогу!
Как жалко, Саша, что так недолго
Вы задержались в пенатах наших...
Прошу Вас, Саша, – являйтесь чаще!
Простите мне! Простите, милый,
я в детях «русский» не сохранила,
простите мне мои просчёты
и мне для внуков оставьте квоты...

2.

– Проходите, Саша, проходите!
Ничего, что надпись на иврите,
Ничего, что русский забывая,
я в себе надежду убиваю,
ничего, что жизнь моя нелепа,
и душа томится в клетке склепа.
Ничего, что мыслям снова тесно,
пусть в стихах теперь находят место.
Может кофе, или просто – чаю?
Может Вам великих почитаю?
Нет, наверное, не будет позой –
от стихов устала, лучше прозой.
Не нужны здесь ни стихи, ни песни.
В мире этом зависти и лести,
прищепенцев и к поэзии, и к лире,
я – просто крошка на Вселенском пире,

мне глотать – обглоданные кости,
закипая, матерясь от злости,
Как же я завидую Вам, Саша,
не доступна суета Вам наша.
И когда Вас посещала муза,
не казалась Вам она обузой...

Вдруг в окно ворвалась непогода,
и это март – святое время года.

Наверное, с душою – в унисон.
Поднялся ветер и развеял сон...

ЦЕЛЫЙ ГОД ПРИМЕРЯЮ СМЕРТЬ...⁶

По мотивам воспоминаний
о Марине Цветаевой
Лидии Чуковской «Предсмертие»...

1

Марина! Повеса, повеса...
и стихов, словно – каменных, лёд...
и махнёт рукою профессор,
наблюдая в небе её полёт...

⁶ Слова, взятые в кавычки – слова самой Марины Цветаевой.

Холодность непонимания.
И эта особая, гордая стать!
И ложились стихи без названия,
как в гробы – в девичью её тетрадь...

Марина! Твою необычность
не дано ни забыть, ни простить...
Не уложится в дней привычность
этих строчек злачёная нить...

Марина! Твою гениальность
им ещё не понять, не принять,
а пока – всё сойдёт за «странность»,
так шептались отец твой и мать...

2

Ни весёлая, ни печальная,
но в себя вместившая грусть,
эта девочка, птичка странная,
что я с ветки спугнуть боюсь...

3

Всё ещё впереди –
боль твоя и страх,
и в холодной груди
не теплится прах...

И ещё рассветы
ей так греют душу,
и ещё не спета,
песнь, где всё – наружу...

И ещё не серые
облака,
и одежды – белые,
и – рука...

И простится ей
этот детский вид...
Не течёт ручей,
где душа болит...

Где всегда одна –
в снах и наяву,
просто приняла
горькую судьбу...

Там, где вечный снег,
где холодный край,
где – по кругу бег,
где не снится рай...

Там, в ночной тиши,
меж далёких звезд
пламенной души
солнечный погост...

4

– Там, в седой дали
там, где мой погост,
плачут журавли...
Через сотни вёрст

слышу этот плач,
слышу этот крик,

время – вечный врач,
но всегда – старик...

Я явлюсь живой
с синевою губ,
пусть шумит листвою
одинокий дуб.

Пусть толкнёт крылом
одинокий Бог,
и в дверной пролом
пусть нагрянет рок...

Я устала петь,
не звенит струна,
где-то бродит смерть,
как и я – одна...

Я всего лишь – гость...
мне пора туда,
где слезами звёзд
плещется вода...

Остужу я враз
весь сердечный пыл,
а сиянье глаз
вам дарю, живым!

– Слышу дыхание ветра,
слышу стенанье муз,
одиначеством в километрах –
измеряю я страшный груз...

И живу я давно отверженной,
в опустевшем от зла краю...
не разбитою, а поверженной,
я ещё о любви пою...

6

И глаза, печально глядящие
в высь небес,
ваше прошлое, настоящее
было здесь...

Дождь гуляет по серым улицам
словно гость...
Рыжий пёс почему-то хмурится,
бросив кость...

Может поздняя, может ранняя
в свете лун,
боль моя – просто песнь случайная
тонких струн...

7

Посреди дорог
неприкаянной
всё брожу...
посреди тревог
так отчаянно
ворожу...
жизнь, как платье,
до дыр изношена –
просто прах...

непосильною
стала ношею
для бродяг...
я и дождь
по забытой улице
в ночь бредём...
всё – останется,
всё забудется
светлым днём...

8

– Целый год. Взгляд поникший,
бесстрастный...
Отраженье душевных мук,
и тихонько и даже благостно
всё «ищу я глазами крюк».

Муж расстрелян и дочь в темнице.
В небе снова плачет луна –
ей, наверно, как мне – не спится,
дум печальных она полна...

«Целый год примеряю смерть»,
словно платье или рубаху
безысходности или страха?
«Доживать – дожевать» суметь!

И открытая злая враждебность,
как холодной воды струя,
смерть примерю, как неизбежность,
жизнь, как песнь примеряла я.

9

Жизнь истрачена,
разворована
по частям!
Что вы плачете,
чёрны вороны?
Кто я вам?
В безысходности,
но до вечности –
только шаг...
Что мне вам нести,
может хлеб в горсти,
может прах?

И Елабуга –
словно каторга...
Наказание без вины,
и повисла в небе радуга,
и слезами наполнились сны...

По дороге ветвистый тополь
прошумел, просвистел в ответ:
«Нет дороги тебе в Чистополь,
нет дороги тебе в рассвет!»

Сколько их? Любимых и нежных,
мною потерянных губ и рук?
Я собрала в комок надежды,
но «глаза примеряют крюк».

Целый век – тоски, одиночества
предо мною промчался вдруг,
жить хотелось и так же – хочется,
но «глаза примеряют крюк»!

10

Небо. Восходы. Закаты.
И винограда гроздь.
Для жизни так много надо!
Для смерти – один лишь гвоздь.

Ярче не будет радуги.
Мягче хлеба и чище рос,
там, где в небе Елабуги,
это имя звездой зажглось!



СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>Петро Полищук. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ</i>	3
Раздел 1. КОГДА ДУША ТВОЯ СТРЕМИТСЯ В ХРАМ...	12
Раздел 2. ПИСЬМА	26
Раздел 3. МЫ ВРЕМЕНА НЕ ВЫБИРАЕМ	42
Раздел 4. БЫТЬ ПТИЦЕЙ РАНЕНОЙ...	51
Раздел 5. ДУША СУЩЕСТВУЕТ СТИХАМИ	62
Раздел 6. ТИХИЙ ДОМАШНИЙ РАЙ	69
Раздел 7. ЭТО – ЛЮБОВЬ	79
Раздел 8. СЕЗОН ДОЖДЕЙ	91
Раздел 9. КАМЕННЫЙ ГОРОД, КАМЕННЫЙ...	100
Раздел 10. МИР – НА АПТЕКАРСКИХ ВЕСАХ ДОБРА И ЗЛА...	114
Раздел 11. ЗАЧЕМ НАМ ВОЗВРАЩАТЬСЯ В СТАРЫЙ ДОМ...	134
СНЫ С ПУШКИНЫМ	150
ЦЕЛЫЙ ГОД ПРИМЕРЯЮ СМЕРТЬ...	152